

18+

Сергей Максимович Ермаков

Мужие игрушки

Часть 2

Сергей Максимович Ермаков

Чужие игрушки. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257822

ISBN 9785448525124

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нам хочется играть в жизни важные и интересные роли. Но эти роли уже распределены. И большинству приходится довольствоваться ролью пешек. И даже если все-таки пешке удалось пройти в ферзи, то зачастую, обстоятельства игры требуют этим ферзем пожертвовать.

Содержание

Пазл 41. Неожиданная поездка	5
Пазл 42. Нежданная встреча	15
Пазл 43. Детские хитрости Клары	21
Пазл 44. Бойцы вспоминают минувшие дни	35
Пазл 45. Секретный доклад Хромова	43
Пазл 46. Медсанбат	61
Пазл 47. Последний рейд Хромова	71
Пазл 48. Шарашка	76
Пазл 49. Светлые полосы хорошо видны на фоне темных	86
Пазл 50. Витькин кораблик	96
Пазл 51. Встреча будущих друзей	103
Пазл 52. Начало дружбы Вити и Коли	110
Пазл 53. В первый раз у Вити	117
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Чужие игрушки

Часть 2

Сергей Максимович
Ермаков

© Сергей Максимович Ермаков, 2020

ISBN 978-5-4485-2512-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пазл 41. Неожиданная поездка

Утро Николай встречал в служебной машине. Разбудил его звонок в дверь его квартиры. Он пошаркал к двери, вытирая из уголков глаз спячки. В проеме двери стоял Звягинцев:

– Вы готовы, Николай Федорович?

– Еще нет, извините, Виктор Петрович, забыл будильник поставить. Проходите. Сейчас чайку организую.

Он в одних трусах метнулся на кухню, поставил чайник на плиту и побежал одеваться.

Из кухни донеслось:

– Не спешите, Николай Федорович. Не на пожар, еще успеем. Хотя, я был уверен, что вы меня ждете.

Николай вошел на кухню уже одетым, набрасывая на плечи пиджак:

– Виктор Петрович, вам чай или кофе?

– Пейте сами, Николай Федорович, я уже позавтракал.

Они спускались по лестнице вместе. Николай впереди, Звягинцев следом. Николай почти в припрыжку, Виктор Петрович, чтобы случайно не оступится держался за перила. У подъезда их ждала служебная машина Звягинцева. Первые желтые листья налипли на капот служебной «Волги». Солнечные зайчики шаловливо пробивались через редкую осеннюю листву. Утренняя прохлада бодрила и легко холодила

спину. Николай сел рядом с шофером, а Звягинцев, старчески вздыхая, забрался на заднее сидение. Дорога была почти пустая, автомобилисты еще не загрохотали по шоссе. Осенние пейзажи чередовались с видом панельных коробок маленьких городов и поселков. Комфортное место, дорожные пейзажи и скорая встреча с родителями располагали Хромова к воспоминаниям. Вспомнился вчерашний вечер. Николай не сдержал улыбки, при воспоминании о восторгах его сослуживцев по поводу шахматах. Тут же в голову снова вернулась мысль, с которой он вчера засыпал:

– Что же случилось с Витькой? Почему он сдал мой подарок в антикварный магазин? Почему сдал шахматы в магазин здесь, а не в Москве. Почему? Почему? Может потому же самому, почему я не поехал к Никитиным после армии. Значит все-таки это дело рук того кэгебиста. Но, я то боялся нанести вред Кларе и Александру Ивановичу. А, Витьке то чего было опасаться? Не надо Коля, не юли. Может, все-таки, ты просто за себя испугался, а не за Никитиных. Тебе ведь ясно показал этот гэбэшник, кто-есть-кто, и кто в доме хозяин. Кто ты, и кто они, и что они с тобою могут сделать. Но, они же меня не сломали. Это ты так думаешь. А они тихой самой своей цели добились. Ты к Кларе не поехал после армии, значит, как они решили, так и стало. Ну поехал бы я к ней. И что? Она замужем, муж дипломат, прекрасная перспектива работы за рубежом. И тут появляюсь я в сержантской парадной форме. Так что-ли? Клара ты

меня помнишь? Тфу, как представлю, так противно становится. Стою, и пускаю слюни. Стыдно, стыдно. Пусть лучше они меня совсем не увидят, пусть запомнит нормальным парнем, чем увидят такой размазней. Значит, все-таки гэбэшник победил?! Ну, победил, а что я должен был делать? Ну, встретится как-то не так, как сейчас представил. А, как? Может через Витьку? Может он меня и презирать начал, потому что я после армии не объявился у них? Может, поэтому и шахматы продал.

Эти вопросы самому себе почему-то не кончались у Николая, а ответа на них не было. Николай обозлился на себя:

– Все точка. Сколько раз уже все это пережевывал. Надо остановиться. Витьку надо обязательно найти. Как вернемся сразу пойду в этот антикварный магазин и все выясню.

Но, обида, как иголка застряла в мыслях. За этой иголкой, как ниточка, тянулись воспоминания, вытягивая один за другим болезненные эпизоды из прошлого. Мгновенно вспомнилось как Николай пришел на день рождения к Витьке.

Вспомнилось, как он почувствовал себя чужим среди его гостей. Как только он вошел, они посматривали на Николая снисходительно, как на Витькину причуду. Для этих мальчишек и девчонок он был не просто чужим, он был изгоем среди них. Витька же старался держаться для них своим и как-то отстраненно, и надменно смотрел на Николая. Тогда Николай пожалел, что вообще пришел на день рождения Вик-

тора:

– Зачем Витька его позвал, если знал, что он будет здесь как белая ворона, среди этих райкомовских.

Витькины гости откровенно посмеивались над чужаком. На улице все они были тихонями, которые боялись мальчишек из рабочих окраин и кварталов. Они обходили стороной не только Кольку, но любого мальчишку из их дома. Им бы из Колиных друзей никто не спустил обиды. Здесь они чувствовали свою безнаказанность, чувствовали защиту стен райкомовского дома.

От растерянности, Николай развернул свой подарок прямо в коридоре квартиры Никитиных. Подарок был завернут в синюю плотную бумагу, в которую в магазине фасовали кусковой сахар. Один и мальчишек надменно спросил:

– Где ты украл-то свой подарок?

Колька не сдержался:

– Сам ты украл! Маменькин сыночек!

– Разрядила обстановку Елизавета Дмитриевна:

– Коля, наконец-то. А, то мы без тебя не начинаем. Ждем тебя.

Но, обида уже кипела в Николае. Правда, обижать Елизавету Дмитриевну он себе позволить не мог:

– Да, я на минутку, только подарок передать. Дома дел много.

– Коля, какие дела? Никаких дел, идем к столу, иначе я обижусь.

Тут она увидела шахматы:

– Какая прелесть. Это что, Виктору подарок? Это же немислимо сколько стоит.

Колька смущенно прошептал:

– Нет, это нисколько не стоит. Это я сам сделал.

– Ты сам? Не может быть! Да ты настоящий мастер Коля!

Просто художник!

Сбоку снова раздался ломающийся мальчишеский голос:

– Да, врет он все. Украл где-то.

Елизавета Дмитриевна повернулась к говорившему:

– Дмитрий, как ты можешь, такое говорить? Это нехорошо! Тебе бы приятно было, если бы о тебе такое сказали?

– А, на меня никто даже не подумает.

– А, почему ты на Колю такое подумал?

– А, они все там такие, казармовские. Им украсть, как высморкаться.

Елизавета Дмитриевна взорвалась:

– Перестань, перестань немедленно. Как ты можешь? Какие у тебя черные мысли.

Мальчишка шмыгнул носом и потупился. Николай почувствовал маленькие пальцы у себя на локте. Рядом стояла Клара. Как она пробралась к нему Коля не заметил. Наверное, не заметил потому, что она была на голову ниже присутствовавших ребят. Чтобы слышали все Клара громко и с презрением произнесла:

– Пойдем Коля, сядешь рядом со мной. Злые они все тут

и невоспитанные индюки. Думают, что они вундеркинды, а сами дерьмо собачье.

Елизавета Дмитриевна огорченно возмутилась:

– Клара, Клара! Что за жаргон. Ты где таких выражений нахваталась?

Возмутился и Виктор:

– Кларка, это между прочим мои гости и мой день рождения. Так что попридержи язык за зубами.

Теперь уже Елизавета Дмитриевна пыталась приструнить Витьку:

– Виктор, Виктор, как так можно? Это твоя сестра!

– А, чего она здесь растявкала?

– Где? Где вы набрались оба этой бескультурщины и вульгарщины?

Раздался веселый голос Александра Ивановича:

– Что за шум а драки нету?

– Он открыто улыбнулся:

– А, вот и Коля. Николай, проходи, мы тут тебя все заждались. Не правда ли Витя?

Витя обиженно молчал. Подала голос Клара:

– Папа, посмотри, какой подарок Коля принес Витьке.

Александр Иванович, осторожно, словно боялся разбить, взял в руки сцепленные между собой шахматные фигурки:

– Это откуда-же такое чудо?

За Колю ответила Клара:

– Это Коля сам сделал. Правда красиво?

– Это не просто красиво, это изумительно! Это чудо! Коля я знал, что у тебя золотые руки, но чтобы до такой степени, даже не подозревал.

Гости Вити, видимо хорошо были осведомлены о суровом нраве Александра Ивановича и держали язык за зубами. Александр Иванович победно посмотрел на мальчишек:

– Кто еще такое сможет сделать? Поднимите руку.

Казалось то, что Николай это чудо сделал сам, не вызывало у Александра Ивановича ни малейшего сомнения ни на секунду. Мальчишки смущенно потупились. А Клара продолжала:

– А, Витьке не понравилось.

Александр Иванович растерянно посмотрел на Виктора. Витька, оправдываясь, закричал фальцетом:

– Чего ты все выдумываешь? Понравились мне шахматы, очень понравились.

– А, сам даже спасибо не сказал.

– Клара в упор смотрела Витьке в глаза.

– Не успел я ничего сказать, ты тут такой скандал закатила. Коля, спасибо большое. Это классный подарок.

Витька покровительственно протянул Кольке руку, но в Витькиных глазах, смотревших на Николая, стояла собачья мольба о прощении. Прощения за свое поведение, за поведение своих гостей. И Николай простил. Не мог не простить. Это было все равно как, ударить провинившегося щенка, ползущего на пузе к твоим ногам. Витькины ро-

дители видимо поняли, какая пропасть лежит между Николаем и остальными гостями. Колю посадили между Елизаветой Дмитриевной и Кларой. Они обе изо всех сил старались, чтобы Коля чувствовал себя с ними как с родными.

Раздался голос Звягинцева:

– О чем задумались Николай Федорович?

С минуту Николай приходил в себя:

– Виктор Петрович мне все не дает покоя, то что вы приобрели эти шахматы, нашем городе.

– Почему?

– Не представляю, не могу понять, зачем Витька это сделал. Они вроде не бедствовали. И почему шахматы появились здесь, если они живут в Москве.

– Может их украли у вашего друга?

– Может. А давно это было? Когда вы купили шахматы.

– Лет пять-шесть тому назад. Точно не помню.

– А, где расположен это антикварный магазин?

– На улице авиаторов. Хотите навести справки, о том, кто сдал эти шахматы в антикварный магазин?

– Нет, просто интересно. Там, наверное, за это время, уже и продавцы поменялись.

– Да нет, не поменялись. Я от скуки туда время от времени захожу. Продавец, тоже ко мне привык, болтаем с ним по-товарищески.

– А, вы бы, для начала, взяли и спросили у вашего друга детства, что с ним стряслось. Может вопросы отпали сами

собой. Я бы шахматы ему вернул, если их украли. Жалко конечно расставаться с такой вещью, но слово даю, что я вернул бы шахматы совершенно безвозмездно. Это же подарок.

– Да мы давно не встречались. Между прочим, его отец тоже воевал с моим. Может вы знаете? Никитин Александр Иванович?

– Никитин? Никитин. Что-то припоминаю. Вспомнил. Он, похоже, у нас в роте политруком был. Тесен мир. А, Никитин, что тоже жил с вами в одном городе.

– Жил. Потом его на повышение в Москву забрали. Мы тогда еще в их квартиру переехали, Александр Иванович нам с ордером на квартиру помог.

– Переехали Никитины в Москву, и естественно, они перестали поддерживать с вами связь. Так сказать, позарастили стежки-дорожки.

– Нет. Мы продолжали дружить, переписывались и в гости друг другу ездили. Ну потом... Витька в институт поступил, а я в армию загремел. Ну и... Да ладно, это не важно, В общем потеряли мы друг друга.

Звягинцев с печалью в голосе прокомментировал:

– Разбежались пути дорожки. Это жизнь. Никуда не денешься.

– Я тоже растерял друзей после госпиталя. Писать казалось неудобным. Они там воюют, а я в тылу дурака валяю. Неудобно, стыдно за себя как-то. Чувствуешь себя трусом и предателем. Уклонистом себя чувствовал. Потом, может

пишешь человеку, а его уже нет, а ты жив-здоров. А вы, Николай Федорович, переписываетесь со своими армейскими друзьями?

– Да нет. Я, как то, не люблю писать письма. Да и армейские друзья как то не стремились переписываться.

Замолчали. Каждый думал о своем.

Когда уже были не далеко до конечной точки их маршрута, Звягинцев попросил остановить машину. Он вышел из «Волги» достал пузырек с таблетками, сыпанул их на ладонь и проглотил. Николай стоял рядом, закурил, пуская струйки дыма в небо. Звягинцев извиняюще произнес:

– Волнуюсь. Не поверите, Николай Федорович, так накатило. Так накатило. Как вспомню. Как вспомню.

– Он замотал головой.

Постояли. Звягинцев дернул за дверцу машины:

– Кажется, отпустило, ну поехали.

Пазл 42. Нежданная встреча

Звягинцев извиняюще произнес:

– Волнуюсь. Не поверите, Николай Федорович, так накатило. Так накатило. Как вспомню. Как вспомню.

– Он замотал головой.

Постояли. Звягинцев дернул за дверцу машины:

– Кажется, отпустило, ну поехали.

Дверь открыла мать Николая:

– Коля, приехал. Наконец-то. А, я как чувствовала, стол накрыла, жду. Ой, Коленька. Ну, заходи.

– Мам, я не один. Это Виктор Петрович Звягинцев, мой начальник, а это Боря наш водитель, А, это моя мама, Александра Ивановна.

Александра Ивановна заговорила, в соответствии с традицией:

– Проходите, проходите, гости дорогие.

– Мам, а где папа?

– На даче он, к вечеру будет. Подождешь?

– Мам, понимаешь, Виктор Петрович вместе с папой во-вал. Он собственно к нему приехал.

Виктор Петрович с тревогой в глазах поинтересовался:

– Николай Федорович, а дача у вас далеко?

Николай мотнул головой:

– Да нет, почти рядом, километров семь, автобус минут

тридцать-сорок идет.

Виктор Николаевич с надеждой спросил:

– Может, мы съездим за ним? Не терпится, очень увидеть хочется.

– Давайте съездим.

Звягинцев смущенно извинялся:

– Александра Ивановна, вы извините меня, я уж и не чаял Федора Петровича и живым увидеть. Не терпится увидеть. Мы с вашего разрешения съездим за ним.

– Конечно, конечно. Коленька, а вы надолго к нам?

– Видно будет мам. Пока не знаю.

Звягинцев успокаивающе проговорил:

– Не волнуйтесь Александра Ивановна, погостит Николай у вас, погостит.

Когда они вошли за калитку приусадебного участка Хромовых, отец стоял с вилами у кучи картофельной ботвы и тяжело дышал, пытаясь унять одышку. Николай подошел к нему:

– Привет пап.

Хромов старший обернулся:

– Коля! Приехал, наконец. Ну, здравствуй сынку. Здравствуй.

– Он протянул руки для объятия.

Они неуклюже расцеловались. Сзади подходил Звягинцев, за ним шагал шофер.

Отец наклонил голову:

– Да, ты не один. Ну, знакомь со своими друзьями-товарищами.

Николай отступил в сторону. Звягинцев встал по стойке смирно:

– Здравствуйте товарищ майор. Не узнаете?

– Не припоминаю. Хотя, лицо вроде знакомое. И возраст ближе к моему. Нет, не припоминаю.

– Брянский фронт, пятидесятая армия. А раньше, у Вас была отменная память Федор Петрович. Звягинцев я. Виктор.

– Витя танкист, Ну дела. Ты как здесь?

– Да, вот мы вместе с сыном вашим работаем. А, тут выяснилось неожиданно, что Николай Федорович ваш сын. Вот и приехали. Обнимемся что ли Федор Петрович?

Они обнялись, и склонясь на плечо друг друга, некоторое время стояли. Когда снова посмотрели в глаза друг другу, в глазах обоих стояли слезы. Хромов старший спохватился:

– Что же мы тут стоим. Давайте в дом. Выпьем за встречу, чтобы как у людей все было. У меня там, где-то было. Заныкал бутылочку.

Отец посмотрел на шофера:

– А, это твой сын Виктор?

– Нет, это наш шофер, но, тоже очень хороший человек.

– Пап, может, домой махнем, мы на машине, мама нас ждет.

– А, поехали. И в правду, сядем дома как люди. Витя, та-

кая встреча. Молодец, что приехал Кто бы мог подумать.

В машине сослуживцы сели на заднее сидение:

– Товарищ майор, Федор Петрович, я так рад. Всех наших, кого знал, либо растерял, либо схоронил.

Хромов сжал руку Звягинцева:

– Да, не майор я уже Витя. Ты ведь, тоже как и я, Петрович?

– Да, Федор Петрович, я тоже Петрович. Не майор? Подполковник? Полковник или бери выше?

– Нет, Витя, лейтенант я.

– Как лейтенант? Я думал вы тогда в гору пошли, после того рейда.

– Пошел. А, потом был Брянск. Помнишь нашего батальонного комиссара?

– Эту гниду разве забудешь.

– Удружил он мне тогда. Звания и наград снова лишили. Восстановили только в пятьдесят девятом. Давай, не будем о грустном. Ты-то как?

– Да, недолго я воевал, после того как вас в полковую разведку забрали. В танке долго не живут. Не долог век танкиста. Но, и я не подкачал. В том последнем бою пять немецких танков из капонира сжег. Потом, смотрю, насели гады на наш первый взвод, рванул им на помощь, тут мне с боку в башню снаряд и влепили. Хорошо боекомплект не рванул. Потом медсанбат госпиталь, Наградили «Красным Знаменем». Восстановили в звании. Нам тогда всем, кто в рей-

де был награды как манна небесная посыпались. Ребята пока в медсанбате был ко мне приходили. Пацанёнка этого, что тогда не расстреляли к медали представили. Всем окруженцам простили преступления, которые они не совершали.

– А тот мальчишка которого в рейде ранили?

– Про того ничего не знаю. В госпиталь его увезли.

Я после госпиталя хотел вернуться в строй. Такой боевой опыт. И на своих танках, и на немецких повоевал. Врачи ни в какую. Не годен к строевой. У меня после контузии жуткий тремор был. Голова и правая рука дергались как у припадочного. Потом я все пытался вспомнить, как я из танка тогда выбрался. Не представляю. Это сейчас по мне не видно, а тогда огонь меня здорово попортил. Предложили перейти в интенданты. А, куда деваться – пошел. Потом тремор прошел. Я потом, уже после войны с врачами разговаривал, говорят из-за двигательной естественной терапии. Ходить пришлось много. Служил, ну, не совсем на передовой. Но, в боях поучаствовать довелось. Правда уже не танкистом, а снова в пехоте. Снова ранили. Пока в госпитале валялся, наши уже к Берлину подошли. Потом закончил Академию тыла. Дослужился до подполковника.

– Молодец Виктор Петрович.

Николай радостно сообщил:

– Ну вот и домой приехали.

Посидели за столом. Были тосты за встречу, за детей и родителей. Однополчане, извинившись, уединились в комнате

Федора Петровича. За столом остались Николай, мать и шофер. Мать о чем-то в полголоса расспрашивала шофера. Николай, рассеянно рассматривая кухню. Он случайно увидел за батареей отопления кусочек старых обоев, которые были еще у Никитиных.

Пазл 43. Детские хитрости Клары

Николай, рассеянно рассматривая кухню. Он случайно увидел за батареей отопления кусочек старых обоев, которые были еще у Никитиных. Он вдруг явственно ощутил во рту вкус пирогов Елизаветы Дмитриевны.

Тогда охлаждение в отношениях Николая и Вити переломила Клара. Нет. Дружить Николай с Витькой не перестали. Но, натянутость после Витькиного дня рождения осталась.

Произошло это так. Клара выбирала себе мороженое в уличном ларьке. В руках она держала школьный портфель. Портфель она задумчиво легонько пинала коленками. Цигейковая шубка и меховая шапка ничем не выделяли ее среди других девочек города. Её отец, Александр Иванович категорически возражал, когда Елизавета Дмитриевна хотела купить Кларе шубку из песца:

– Лиза, ты пойми если мы будем шиковать, то так и останемся в этом городишке, а мне уже сообщили о новом назначении.

– Саша, тебе о новом назначении, на моей памяти, сообщают уже в который раз, за последние пять лет.

– Лиза, надо потерпеть, чтобы добиться большего.

– Саша, а жизнь то идет, годы уходят, дети растут, пусть хоть они поживут нормальной жизнью.

– Лиза, нужно потерпеть еще немного.

Но, в том, что она одевалась как девочки, из не очень зажиточных семей, были свои плюсы. Она не оказалась в числе изгоев среди ровесниц, как другие девочки из их райкомовского дома. Круг подруг, ну, если не подруг, то круг тех, кто ее считал своей, у нее был значительно больше, чем у этих девчонок. При этом, и райкомовские девчонки ее считали своей, из-за высокого положения отца. Она могла появляться в любых районах города, не вызывая неприязни у сверстников. Вот и сейчас она стояла и не как могла решить каким из своих желаний готова пожертвовать. Дилемма была простая и одновременно сложная. Тридцать копеек. Двадцать две стоит «Ленинградское», одиннадцать – «Эскимо», десять – пойти в кино. Она размышляла:

– Да, кино то так себе. Я его уже видела. Но, девчонки идут, да и мороженное есть, сидя в кино приятней, чем на ходу, или дома. Дома отец с матерью, если приду с мороженым, опять будут читать лекции:

– Ты не знаешь меры. У тебя снова заболит горло.

Можно конечно, взять «Эскимо» и фруктовое за семь копеек, тогда и на кино хватит. Но, тогда придется фруктовое Люське отдать. А, она все равно скажет, что я жадина. Придется брать два сливочных по десять. Не хочу сливочное. Хочется «Ленинградское» или «Эскимо». Два «Эскимо» и ну его это кино.

Боковое зрение постучало как дятел в сознание и заставило повернуть голову. Сердце екнуло и упало куда-то вниз.

По тротуару не торопясь шел Коля Хромов. Он ее еще не видел. Клара отошла за угол и изо всех сил рванула ручку портфеля. Удача. Ручка с одной стороны оторвалась и повисла ненужным хвостиком. Клара замерла:

– Все! Все нормально! Теперь только не улыбаться как идиотка. У меня горе. У меня горе, оторвалась ручка у портфеля.

Она вышла из-за ларька. Коля уже был рядом. На его лице было спокойствие. Клара позвала:

– Коля, здравствуй, ты мне не поможешь?

Спокойствие сползло с лица Николая:

– Что случилось?

– Вот.

– Клара продемонстрировала свой портфель.

– Ручка оторвалась. Что делать?

Хромов взял в руки ее портфель и задумчиво почесал висок:

– Тут на ходу не отремонтируешь, инструмент нужен.

– А как я его понесу? Он тяжелый.

– Да, ладно. Донесу его до твоего дома, там что-нибудь придумаем.

Они двинулись дальше вместе, Коля с портфелем, а Клара рядом.

Клара, уже не скрывала радости, легонько подпрыгивая, двигалась рядом с Николаем:

– Как хорошо, что я тебя встретила. Как бы я его сейчас

несла. Представляешь! Ручка, раз, и оторвалась.

Она искоса поглядывала на своего кавалера. Коля был невозмутим и молча вышагивал рядом с Кларой. В ее голове пронеслось:

– Может сделать вид, что я ногу подвернула. А, он бы понес меня на руках, а я бы обхватила его за шею. Нет, это перебор. Это надо было с самого начала придумать, теперь поздно. Да, он бы точно, меня понес бы не домой, а в поликлинику. А, поликлиника в двух шагах от ларька с мороженым. А, там бы меня враз раскололи. Ладно, пусть пока будет портфель. А чего он все молчит. Так не интересно. Надо его о чем-нибудь спросить. О чем?

Вопрос сорвался с ее языка раньше, чем она его придумала:

– Коля, а у вас в классе девочки есть?

Николай опешил и округлил глаза:

– Конечно, есть.

Второй вопрос тоже слетел у нее с языка неожиданно для нее самой:

– А они красивые?

Николай не задумываясь ответил:

– Не знаю.

А, любопытство уже несло Клару по волнам:

– Ну, тебе кто-нибудь из них нравится? Ты с какой-нибудь девочкой дружишь?

Николай опешил:

– Зачем? Я мальчишками дружу.

В сердце Клары расплылось тепло надежды. Необъяснимое, непонятное, неосознанное. И она подытожила:

– Я, тоже, только с девчонками дружу. Мы в кино вместе ходим.

Она хотела добавить, что они вместе обсуждают мальчишек, и чуть не выпалила:

– А мальчишки, что не обсуждают девчонок?

Но, вовремя остановилась, и решила зайти с другого конца:

– А, вы сейчас по математике чего проходите?

– По алгебре квадратные и кубические уравнения. Теорему Виета. По геометрии многоугольники. А что?

– Нет, просто интересно. Мы этого еще не проходим.

У меня математика хромает, как-то не идет.

– Так попроси Витьку, он тебе поможет. Он же отличник.

– Витька такой зануда. Он объяснять не умеет. Все время говорит мне, что я дура. А, я не дура.

– У тебя с английским как?

Колька поморщился:

– Никак. У нас учительницы уже полгода по английскому нет.

– А, я могу тебе по английскому помочь. Мне родители купили книжки с рассказами на английском, я их читаю, и учебник специальный, продвинутый.

Коля недоверчиво посмотрел на Клару:

– И как ты мне будешь помогать по английскому? Не понимаю.

– Знаешь Коля, а ведь у меня мама закончила иняз, и специальные курсы военных переводчиков. Она может с нами заниматься.

Колька недовольно ляпнул:

– А, чего она в школе не работает? Шла бы к нам английский преподавать.

Он представил Елизавету Дмитриевну у классной доски, с указкой. Тут уже в Колином сознании проплыла обаятельность Елизаветы Дмитриевны. Ее красота, непосредственность и дружелюбие, которые смутили его еще при первом посещении квартиры Никитиных. Его тянуло к ней какая-то необъяснимая, еще неведомая ему целомудренная сила. И одновременно, до дрожи в кончиках пальцев, пугало и несло от Елизаветы Дмитриевны подальше. В ее присутствии он чувствовал себя неуклюжим остолопом. Он почти реально чувствовал себя рядом с ней глупой дворняжкой рядом с породистым пуделем.

Клара пожала плечами:

– Не знаю.

Они уже подходили к райкомовскому дому, осталось обогнуть пруд в парке и подняться по каменной лестнице к подъезду.

Клара притихла и стала замелять шаг. Коля ее поторопил:

– Ну, ты чего отстаешь? Мы уже рядом, сейчас починим

твой портфель.

Клара обрадовалась:

– Правда? Ты зайдешь к нам? Я думала ты только до дома портфель донесешь.

Николай удивленно ответил:

– Зайду конечно, портфель-то надо починить.

Коля предвкушал, что сейчас он поедет в лифте. Райковский дом был единственным домом с лифтом в городе. И ребятишки других домов тайком пробирались сюда покататься на лифте. За этим занятием их постоянно заставляли возмущенные жильцы и выговаривали им, что они озорничают, и подолгу занимают лифт. Ребятишки гурьбой выскакивали с горящими глазами из подъезда и верещали:

– Правда здоровски?

– Ништяк.

– Завтра снова придем кататься, когда никого не будет.

Николай не хотел, даже самому себе, признаваться в этой детской наивности, но удовольствие от катания в лифте он тоже получал.

Когда дверцы закрылись и лифт деловито зарычал. Каждый из них окунулся в собственные ощущения. У Коли захватило дух от движения лифта, а у Клары от близости Коли. Он был так рядом, что она могла до него дотронуться рукой. Когда они вошли в квартиру, Клара, начала поспешно стягивать кожаные ботинки на толстом каблуке с меховым верхом, цепляя их носками друг за друга. При этом она, скороговор-

кой говорила Николаю:

– Коля раздевайся, тапочки внизу на полке.

Потом ее голос раздался с кухни:

– Мама, к нам Коля пришел. У меня у портфеля ручка оторвалась, он меня проводил.

– Клара, ты дралась в школе портфелем?

– Донесся голос Елизаветы Дмитриевны.

– Ты, что? Нет, конечно. Она сама оторвалась.

Через секунду ее командный голос донесся из Витиной комнаты:

– Витя, доставай инструмент. Коля будет мне портфель ремонтировать.

Николай уже снял пальто и ботинки, когда Клара снова появилась в коридоре и стала, подпрыгивая, стряхивать с плеч свою цигейковую шубку. Шубка уже коснулась пола, когда ее подхватил Николай. Мягко и певуче прозвучал голос Елизаветы Дмитриевны:

– Коля, пришел. Наконец то. Что же ты к нам не заходишь. Мы тебя ждем. ждем.

У Коли внутри прокатился удушливый шар и упал куда-то вниз живота. Он поднял глаза. На него ласково смотрела мать Клары. Она стояла, прислонившись к стене рядом с дверью на кухню, сложив руки на груди, и одной рукой перебирала воротник белой блузки:

– Молодец, что пришел. Сегодня ты с нами обязательно чай будешь пить. Я напекла пироги с черничным вареньем

и плюшки.

Коля смущенно пробубнил

– Здравствуйте Елизавета Дмитриевна.

Вышел из своей комнаты Витя:

– Опа, Колян. Привет. Давай заползай.

– Витя ну как ты выражаешься, что за жаргон?

– Мягко возмутилась Елизавета Дмитриевна

– Нормальный жаргон. сейчас все так говорят.

Коля опять чувствовал себя не в своей тарелке, но уходить не хотелось, наоборот было большое желание оставаться здесь как можно дольше. Ремонтировал он портфель обстоятельно, сначала закрепил ручку, подогнув оба металлические кольца у ручки, потом поправил металлические уголки по краям портфеля, и только после этого проверил и почистил замок. Одновременно они обменивались с Виктором своими мальчишескими новостями:

– Ты Димку помнишь?

– Это который?

– Ну, который букву эр не выговаривает.

– А, ну да, вспомнил.

– Ноги, дурачок, отморозил, ну не совсем отморозил, но заболел. Рыбу ловил в проруби. Валенки намочил.

– Он что, валенками ловил?

– Нет, конечно. Детским сачком.

– А как он валенки намочил?

– Из сачка вода текла ему на валенки, пока рыбу из него

доставал.

– Чё, много наловил?

– Да ну, ерунда. Коту, конечно, хватило.

– А, мы географичке пробку от пугача под стул положили.

– Рвануло?

– Рвануло, еще как. Она чуть со стула не упала. Орала как резанная, а потом всем в классе двойки по поведению влепила.

– Вить, подай пассатижи.

Клара залезла коленками на стул, и облокотившись о стол, внимательно наблюдала через стол, как мальчишки сидя на полу ремонтировали ее портфель.

– Ну, все. Готово, Держи свой портфель.

– Коля встал с пола и потряс за ручку портфель для проверки.

Клара подхватила портфель, и через секунды ее голос с кухни хвастливо сообщил:

– Смотри мам, как новый.

Коля попытался шмыгнуть в коридор. Он уже потянулся за шапкой, когда ему на плечи легли мягкие теплые ладони и пахло какими-то неземными духами:

– Коля, Коля, Коля. Нет. И, еще раз нет. Сегодня ты обязательно будешь с нами пить чай.

Елизавета Дмитриевна притянула его к себе и стала разворачивать лицом к кухне, оставаясь у него за спиной. Она

его подталкивала к кухне. Он с ватными ногами и мурашками на спине шел и пытался отнекиваться:

– Да, я не голодный.

– Коля, ты еще не пробовал моих пирогов. Сначала попробуй, а потом уже говори.

Сели за стол. Клара снова хотела, встать коленями на стул, но ее остановила мать:

– Клара. Клара. Что же вы меня сегодня позорите перед Колей. У Вити лексикон как у биндюжника, ты себя ведешь как... как в портовом кабаке.

Клара послушно села правильно на стул.

Елизавета Дмитриевна наигранно возмутилась:

– Ну, что же ты, Клара? Реж пирог, угощай нашего гостя. Ты же будущая хозяйка. Привыкай.

Клара, высунув язык, стала резать пирог. Мать укоризненно посмотрела на нее, но промолчала. Коля взял кусок пирога, после того как Клара с Витей уже уписывали свои куски, за обе щеки. Клара, уплетая пирог сообщила:

– Мама, а у Коли трудности с английским. Ты ему поможешь?

– Какие трудности? Коля рассказывай.

– Встревожено поинтересовалась Елизавета Дмитриевна.

– Да, у нас учительницы английского нет.

– Как нет?

– Ну, наша учительница переехала в другой город, а другой учительницы пока не дали.

– И у вас что совсем занятий нет?

– Нет.

– А как же вы будете экзамены сдавать?

– Не знаю. Экзамены еще не скоро.

– Надо что-то делать. Так нельзя. Нет, так нельзя.

Раздался мужской голос:

– Что за шум, а драки нету?

– Все подняли глаза. На пороге кухни стоял Александр

Иванович.

– Папа пришел, ура!

– Радостно завопила Клара.

– Пап, привет.

– Сдержанно поздоровался с отцом Витя.

Елизавета Дмитриевна вставила свое слово:

– Саша, ты вовремя. Садись за стол. Я пирог испекла.

Александр Иванович взял кусочек пирога и улыбнулся:

– Как же я люблю твои пироги Лиза. Когда ты печешь пироги, в доме просто праздник.

Он откусил кусочек пирога:

– Так, что у вас здесь стряслось?

– Саша, ты представляешь, у Коли в школе нет учительницы английского языка.

– Правда? А, я не знал. Разберемся. Коля, а так, просто интересно, почему ты выбрал английский, а не немецкий?

– А, какая разница. Английский сейчас модно.

– Да уж. Модно. Язык потенциального противника.

– Хмуро пошутил Александр Иванович.

– Я тоже не понимаю, почему нужно учить немецкий, если можно учить английский.

– Вставила Елизавета Дмитриевна.

– Ну, я думаю у Коли с немецким ни каких проблем бы не было.

– Почему?

– А, Колин папа в совершенстве немецкий знает. У него Берлинский акцент.

Александр Иванович посмотрел на Колю:

– Тебе, что, папа не рассказывал

Коля удивленно помотал головой:

– Нет. Я не знал.

– Узнаю Федора Петровича. Скромность, граничащая с...

Александр Иванович подбирает слово:

– граничащая с самоотречением.

– Саша, а ты откуда это знаешь?

– Я же говорил, мы вместе воевали. Федор Петрович, со своим знанием немецкого, просто чудеса творил в разведке.

– Не может быть.

– Охнула Елизавета Дмитриевна.

– Очень даже может. Он даже преподавал немецкий нашим разведчикам. Так что, у него и опыт преподавания есть.

– Ой, а может он поучит Витю и Клару немецкому. А, я бы ребят вместе с Колей подтянула по английскому. Заодно

и французскому бы стала учить. Учить сразу несколько иностранных проще, чем один. Это я вам как специалист говорю, Коля, ты поговоришь со своим папой насчет немецкого?

Коля пожал плечами:

– Я попробую.

– Ой, я согласна. Я согласна.

– Запрыгала на стуле от радости Клара.

– А, мне английского, за глаза хватит.

– Заносчиво и с огорчением откликнулся Витя.

Федор Петрович, открыто радости от предложения заняться репетиторством не выказал, но согласился, не раздумывая. Клара была счастлива. Она получила возможность быть рядом с Колей три раза в неделю, о чем даже во сне не могла мечтать.

Мать прервала воспоминания Николая:

– Что соскучился по дому Коленька? Я сейчас гостя спать уложу, а то Борис устал, у него глаза слипаются. Целый день за рулем. Я быстро, я сейчас вернусь.

Пазл 44. Бойцы вспоминают минувшие дни

Однополчане, извинившись уединились в комнате Федора Петровича.

Федор Петрович виновато поинтересовался:

– Ты не против, Витя, что я тебя сюда из-за стола утащил.

– Наоборот, тут как-то более по-свойски. А, то другим может неинтересно наши разговоры слушать. Я понимаю, вы сыну совсем о себе не рассказывали. Стал его спрашивать о вас, чувствую, ничего он о вас не знает.

– Понимаешь, я детям о своих перипетиях не рассказывал. Боялся, не поймут. А, больше того боялся, что с ребятами во дворе из-за меня начнут спорить. Помнишь времена, какие были? Тогда за разговорчики можно было загреметь в края далекие. У нас во дворе один фронтовик по-пьяни ляпнул лишнего, и больше его не видели.

– Да уж времена были, не приведи Господи.

– Я думал, вы в гору пойдете, когда вы майором стали, в полковую разведку попали.

– Вить, давай на ты, а то, как не родные.

– Давай, Федор Петрович.

Помолчали, Хромов предложил:

– Давай за тех, кто не вернулся. Лица многих помню, име-

на вспоминаются, а фамилии уже нет. А, может и не успевал узнать я их фамилии. Помнишь, как тогда наши ряды выкашивало?

Виктор Петрович горько усмехнулся:

– Потери большие были. Это рейд тогда мы можно сказать малой кровью провели. Всего несколько человек убитых, остальные только ранены, при этом большую часть из них убили энкавэдэшники. Танюшка санитарка вас тогда перевязывать не хотела, думала вы эсэсовец.

Оба молча зажали в руках водку вспоминая былое. Как куски старого клеенного-переклеенного кино в их памяти замелькали картинки.

Когда Федора Хромова, черной немецкой форме втащили в окоп командир первого взвода поинтересовался у сопровождавших его солдат:

– Что важная птица?

– Хромов поднял голову:

– Не очень Саня, не очень. Всего лишь гауптман панцер-зольдатен.

– Взводный кинулся к Хромову:

– Федор Петрович, живой. Господи. Живой.

Хромов преодолевая боль улыбнулся:

– Но, слегка ранен.

– Ни фиги себе слегка, ты весь в крови. Санитары, мать вашу, сюда, бегом.

Звягинцев, помогавший втаскивать Хромова в окоп, сокрушенно пояснил:

– Множественное осколочное, стоял в танке корректировал огонь. Осколками царапнуло.

Подошла санитарка:

– У меня наших раненых полно, немец подождет. Когда своих перевяжу, тогда этим займусь.

– Таня, ты посмотри, это же Хромов. Хромов, Федор Петрович.

– Хромов сдавленно проговорил:

– Привет Танюша.

– Санитарка опешила:

– Хромов? А почему в немецкой форме?

Федор тихо проговорил:

– Так было надо, Таня.

Младший лейтенант с гордостью в голосе проговорил:

– Почему-почему? Потому. Потому что Хромов. Давай быстрее.

Пока перевязывали Хромова, с танков и с волокуш, которые приделали к танкам, снимали убитых и тяжело раненых. Раненые были и среди пленных. Медсестра, перевязывавшая Хромова, категорично заявила:

– Медсанбат без разговоров. Множественное осколочное, большая потеря крови.

– Она переводила взгляд с командира первого взвода на политрука Никитина:

– Ему операция нужна срочная. Не дай бог заражение крови или гангрена.

Хромов возмутился:

– Дайте хоть в нашу форму переодеться. Где Фролов? Пока с ним не поговорю никакого медсанбата.

Младший лейтенант пояснил:

– Ротного в штаб полка вызвали, за него политрук остался.

Хромов посмотрел на младшего лейтенанта:

– Так, Тарасов, срочно копайте капониры для танков, чтобы над землей только башня торчала, а они, задним ходом, могли выйти на оперативный простор.

Тот деловито спросил:

– Где копать-то, Федор Петрович?

Хромов посмотрел на Никитина:

– Ну, танков три. Значит по одному на каждый взвод. Я правильно говорю Александр Иванович?

У деревни раздался взрыв, потом еще один.

Кто-то сокрушенно сказал:

– Ну все, сейчас попрут.

Хромов усмехнулся:

– Нет, не попрут. Это два первых моих подарочка для немцев сработало. К тому же, дело уже к вечеру. Ночью фрицы воевать не любят. Сам прошлой ночью убедился.

Все напряженно всматривались в сторону деревни. Из-за леса, на фоне темнеющего заката, поднимался столб черного дыма.

Хромов заволновался:

– А где еще три подарочка? Разгадали что ли гады? Не должны были. Ладно, мне с комбатом надо связаться. Помогите до блиндажа дойти.

Запротестовала санитарка:

– Какой к черту комбат? Без вас доложат, что вернулись. Срочно в медсанбат!

Хромов отшучивался:

– Танечка, не убежит от меня медсанбат, он же не бегает.
– Федор Петрович, вам бы все шутить, а дело серьезное.
– Возражала медсестра, но плечо свое Хромову подставила.

Они уже входили в блиндаж, когда раздался интервалом в несколько секунд один за другим еще три взрыва со стороны деревни. Хромов обернулся в сторону деревни:

– Все пять сюрпризов мои сработали. Не разгадали. Аккуратность это у немцев национальная черта, а фантазия, точно, не их конек. На то и был расчет.

В блиндаже, когда Хромов, постанывая сквозь зубы, натягивал свою гимнастерку, связист ему подал трубку:

– Комбат.

Хромов приложил трубку к уху:

– Товарищ двенадцатый докладывает тридцать второй. Вышли в распоряжение своей части. Захвачено три коробочки противника и около двенадцати языков. Уничтожено пять коробочек и около ста единиц противника. Наши поте-

ри четырнадцать убитых, вместе с подразделением шестого – двадцать один, двадцать два раненых, считая меня. В связи с открывшимися секретными обстоятельствами, настаиваю на личном докладе первому, до моей отправки в медсанбат.

– А мне доложить нельзя эти обстоятельства?

– Никак нет, товарищ двенадцатый. Доклад связан с обстоятельствами гибели шестого и его людей. Они оказались немецкими диверсантами.

– Ты рехнулся тридцать второй? Думай, что говоришь.

– Ни как нет, не рехнулся.

– Ты ранен тридцать второй?

– Так точно, ранение не тяжелое, но большая потеря крови.

– Все у тебя не как у людей. Жди, сейчас переговорю с первым.

Через несколько минут раздался зуммер телефона. Хромов взял трубку:

– Тридцать второй на связи.

– За тобой придет машина, тридцать второй. Жди.

Пока ждали машину Никитин поинтересовался у Хромова:

– Кого за себя думаете оставить товарищ лейтенант?

– Да, любого из командиров отделений. Пусть Белов остается. Он мужик разумный, толковый. Да, и еще, пока не забыл. Те трое, которых расстрелять вчера хотели, вели себя в бою достойно. Один погиб. Погиб пусть не как герой,

но в бою, лицом к лицу с врагом. Второй ранен, значит искинул. Третий тоже вел себя достойно. Прошу всех троих представить к медалям.

Никитин сделал кислую мину:

– Не пропустят их наградных. Батальонный комиссар костями ляжет, а не пропустит. Сами подумайте. Вчера расстрел, а сегодня медаль. Так что ли?

– А, вы, товарищ политрук, добейтесь, чтобы их наградили. А всех командиров четверок представить к Красной Звезде. И звание младших лейтенантов они точно заслужили. Хромов заметил недовольство на лице Никитина:

– А, вы не морщьтесь, товарищ политрук. Это ваша работа. Настоящая работа для политработника, а не для галочки.

Хромов вернулся из воспоминаний к действительности:

– Давай за наших ребят, Витя.

– Потом, проглотив водку, продолжил:

– Я тогда тоже думал, что бога за бороду ухватил. Школу диверсантов с подачи особиста тогда организовали. Помнишь его.

– Да, помню, но ничего хорошего о нем, извини, не скажу. Допрашивал он нас после рейда с пристрастием.

Федор Петрович горько усмехнулся:

– Меня не допрашивал, не успел в медсанбат меня увезли. Но, когда командиру полка докладывал о рейде, он присутствовал. Намеки разные делал, расстрелом пугал.

Снова Федор Хромов стал перебирать в памяти тот разго-

вор у командира полка. Стал припоминать, что было в этом разговоре вначале, что было потом. Он почти реально, как тогда, ощутил приливы слабости от потери крови.

Пазл 45. Секретный доклад Хромова

Снова Федор Хромов стал восстанавливать в памяти тот разговор у командира полка. Стал припоминать тот давнишний разговор. Что было в этом разговоре вначале, что было потом. Он почти реально, как тогда, ощутил приливы слабости от потери крови. Как будто это сейчас, а не тогда у него время от времени мерк в глазах свет.

В штаб приехали втроем – Хромов, санитарка и рядовой из взвода Хромова.

Хромов взял под козырек:

– Лейтенант Хромов для доклада прибыл. Здравия желаю, товарищ подполковник.

Подполковник щелкнул портсигаром:

– Здравствуй лейтенант. Сказали, что ты ранен, а я погляжу на тебе ни царапины.

Вступилась медсестра:

– На нем другая форма была, товарищ подполковник, та вся в крови была. Множественные осколочные. Товарищу лейтенанту срочно в медсанбат надо.

Хромов обратился к медсестре:

– Товарищ, санинструктор, попрошу вас, и вас рядовой

оставить нас с товарищем подполковником наедине.

Подполковник продул папиросу:

– Присаживайся лейтенант. Докладывай. Я тут пригласил для беседы Александра Яковлевича, уполномоченного особого отдела. Уж больно ты серьезные заявления сделал.

Хромов оглянулся в дальнем углу блиндажа, в тени светился огонек папиросы. Командир полка спросил:

– Не знакомы?

– Никак нет.

– Отозвался Хромов.

– Ну, я-то слышан о лейтенанте, и о его подвигах.

– Донеслось из угла.

Хромов продолжил:

– Разрешите доложить, товарищ подполковник?

– Давай Хромов.

– Первое. В деревне нас ждали. Знали точно сколько нас, и во сколько мы пойдем в атаку.

– С чего ты это взял лейтенант?

– Мы выступили ночью.

Подполковник выдохнул папиросный дым:

– Значит, нарушили приказ.

– Так точно. Виноват.

– А, Фролов тебя прикрывал. Я с него еще шкуру спущу за самовольство. Он ведь у тебя сейчас Александр Яковлевич?

– Нет, Петр Евграфович. Нет и не было.

Хромов удивился:

– В роте сказали что его в штаб полка вызвали и он здесь.

Командир полка посмотрел на особиста и добавил:

– Мне комбат докладывал, что твой старлей передал Фролову, что его в штаб вызвали. Я думал он к тебе пошел, отвечать за то, что у него в роте произошло.

– Шутишь, Петр Евграфович? Зачем мне вызывать ротного, если ему нужно операцией руководить? Не вызывал я его.

Хромов встал:

– Товарищ подполковник, разрешите позвонить в роту.

– Звони. Сержант дай лейтенанту вторую роту, второго батальона.

Связист отозвался:

– Прямой линии до роты нету.

Подполковник разъярился:

– Так пусть скоммутируют в батальоне. Днем раньше меня же соединяли с Фроловым.

Через некоторое время Хромову дали трубку:

– Говорит тридцать второй, дайте двадцатого.

Прошло несколько минут:

– Двадцатый прикажите искать бывшего двадцатого. Ищите не далеко, но тщательно. Не дальше, чем шагов сто от того места, где вы находитесь.

Хромов продолжил после паузы:

– Сам вижу, что уже стемнело. Ищите. Подключите к поиску бойцов, что поопытней. Когда найдете, немедленно до-

ложите первому.

Командир полка поинтересовался:

– Что ты имел ввиду лейтенант, когда говорил, что Фролова надо искать не далее как за сто шагов?

– Думаю ротного нет в живых, товарищ подполковник.

– Почему?

– Разрешите по порядку товарищ подполковник.

Подполковник угрюмо выдохнул:

– Давай лейтенант. Давай по порядку.

– В деревне нас ждали. Но, ждали после шести утра. Знали численность нашего отряда.

– С чего ты взял?

– Примерно к двум часам ночи, мы немцев в деревне перебили.

– Всех?

– Почти всех, я приказал по возможности офицеров брать в плен. Получилось. Взяли гауптмана панцерваффе и оберфельдфебеля в плен. И тут зазвонил у них телефон. Я у гауптмана спросил, кто может быть на проводе. Он сказал, что это майор звонит. Я поднял трубку представился именем гауптмана. Документы его у меня в руках были. А мне по телефону сообщают. Будьте готовы к отражению атаки русских. Они пойдут в наступление силами одного взвода в шесть утра. Я ответил, что, гер майор может не беспокоиться мы встретим русских как надо. Майор мне сообщил, что утром в деревню подойдет подкрепление в составе двух

батальонов.

Из угла послышался голос особиста:

– А, как ваши подчиненные восприняли, что вы разговариваете по немецким средствам связи по-немецки?

– Сообразили, что я не предатель, стрелять не стали.

Но глаза у них округлились.

Удивился подполковник:

– лейтенант, а вы что, немецкий знаете.

– Знаю, и довольно прилично.

– Откуда?

– Обязан был знать по делам службы еще до войны.

– И где же вы служили до войны?

– В Газодинамической лаборатории под руководством Лангемака.

– И чем же вы там занимались?

– Работал по теме А15

– А по конкретнее можете?

– Не могу, товарищ подполковник. От ответственности за разглашение секретных сведений меня никто не освободил. А, я вам уже лишнее сказал. Если, товарищ уполномоченный особого отдела сочтет возможным, он посвятит вас в подробности моей довоенной деятельности.

– Да, мне политотдел все уши прожужжал, что у меня командир взвода бывший враг народа.

Хромов в упор посмотрел на командира полка:

– Это правда, товарищ полковник. Был осужден по статье

пятьдесят восемь, одиннадцать прим. Разрешите я продолжу.

– Продолжай лейтенант.

– Для парирования действий противника я приказал части моих солдат переодеться в немецкую форму. Нами было захвачено восемь танков противника. В три танка, два Т-3 и один Т-2, я посадил своих солдат, нашлись среди солдат, два бывших танкиста и один тракторист. Остальные пять танков заминировал. Заминировал и подходы к деревне со стороны вероятного появления немцев. Заминировал участок дороги, где намеревался встретить немецкое подкрепление. Воспользовался и нашими старыми укреплениями, которые оставили на прошлой неделе. Один танк мы оставили в засаде, На двух оставшихся танках мы выдвинулись на встречу противнику чтобы провести регонсценировку.

Подполковник, выдыхая табачный дым, поинтересовался:

– Лейтенант ты сумасшедший? Развивать наступление силами одного взвода, не дождавшись подкрепления. Это же просто самоубийство. Ты боевой устав РККА читал?

– Я посчитал, что самоубийство, это пассивно ждать наступления немцев. Товарищ подполковник, я привык выполнять поставленную передо мной задачу. И пока это мне удавалось.

Подполковник осерчал:

– Пока лейтенант. Заметьте, пока! Мне Фролов докладывал, что у вас и после удачного, как вы нам сейчас рассказы-

ваете, ночного боя были потери. А то, что вы предприняли дальше, просто авантюра.

– Потери были, товарищ подполковник. При атаке на караульное помещение нам не удалось избежать стрельбы, у нас появились раненые и двое убитых. Но потери были бы значительно больше, если бы мы просто решили занять пассивную оборону. Ганнибал окружил при Каннах римлян, хотя они превосходили его войско по численности.

Подполковник закричал:

– Ганнибалом себя вообразил лейтенант? Наполеоном? А на устал наплевал?

Хромов опустил голову и молчал.

Подполковник смягчившись проговорил:

– Докладывай дальше лейтенант о своих художествах.

– Чтобы не подвергать раненых опасности, я их оставил в деревне. Раненых потом расстрелял отряд НКВД под командованием старшего лейтенанта.

Командир полка возмутился:

– С чего вы взяли это лейтенант? Это же бред. Вы что несете? Вы думаете, что говорите? Вы что, думаете мы это не сможем поверить, если это произошло на территории занятой врагом?

– Товарищ подполковник, я докладываю лишь о том, что знаю достоверно. Я оставил одного бойца охранять раненых и, если подойдет подкрепление, провести это подкрепление через, сделанные мною, минные заграждения. Он был на на-

блюдательном пункте на колокольне. С колокольни открывается хороший обзор. Он сказал, что подразделение особого отдела, сразу как вошло в деревню, расстреляло раненых и местную старушку, которая за ними ухаживала. Он спустился с колокольни, стал скрытно наблюдать за этим отрядом. По его сообщению, они разговаривали на немецком. Вернее, с его слов, если быть точным, они говорили не порусски. Он дождался, когда они подойдут к минной ловушке, и привел ее в действие. Практически они все сразу погибли от взрыва.

Из угла раздался голос особиста:

– Лейтенант, вы сами то верите в ту сказку, которую сочинили? Военнослужащие войск НКВД – немецкие диверсанты. По-немецки они видишь ли говорили. Ты тоже лейтенант немецкий знаешь. А, их видите ли взяли и взорвали. Я лично, все вижу совсем в другом свете. Ваш боец, которого вы оставили в деревне, на колокольне, банально свел счеты с отрядом НКВД и в частности со старшим лейтенантом, за то, что происходило в вашей роте накануне. Потом, чтобы свалить все на НКВД, сам расстрелял раненых и старушку, как свидетелей его преступления. Как вам такой взгляд на произошедшее?

Хромов молчал. Особист продолжил:

– Вы не переживайте, лейтенант, мы установим правду, и накажем виновных. Убийство бойцов и офицера НКВД с рук никому не сойдет. Как фамилия этого вашего бойца?

Хромов набычился:

– Я несу полную ответственность за произошедшее под моим командованием. Оставьте бойца в покое. Будем считать, что это я привел в действие мину под отрядом НКВД. Я ведь тоже мог свести с ними счеты, как вы говорите.

– А, потом расстрелял раненых? И все это сделал без свидетелей. Не дури лейтенант. И вообще Хромов, ты мне тут не советуй, как мне быть. Не надо. Я в таких делах не одну собаку съел. Так как фамилия этого бойца?

Зазвенел телефон. Полковник взял трубку:

– Как убит?

Он положил трубку:

– Фролов убит. Колотое ранение в область лопатки.

Повисла тишина. Хромов прервал ее, глядя в угол на особиста:

На сколько я понял вы представитель особого отдела, Александр Яковлевич. Я правильно запомнил ваше имя-отчество? Прошу прощение, ваше лицо и ваше звание я не вижу в темноте.

Из угла отозвался особист:

– Правильно запомнил. Что хочешь сказать лейтенант? Напугать меня хочешь?

– Фролов был убит сразу после визита отряда НКВД, а старший лейтенант НКВД ему приказали идти в штаб. Вышли из блиндажа они вместе, со слов свидетелей.

Особист с раздражением спросил:

– Что ты этим хочешь сказать лейтенант? Ты на что намекаешь?

– По-моему все и так предельно ясно. Александр Яковлевич, скажите, а как давно вы знаете тех, кто был в группе НКВД, которую к нам послали?

– Лейтенант, не забываетесь. Здесь вопросы задаю я! Вам это понятно?

– Так точно. Понятно. Виноват. Тогда, товарищ подполковник, позвольте у вас спросить.

Командир полка рыкнул:

– Ну спрашивай.

– Вы передавали в дивизию сообщение, о нашем рейде?

– Передавали. А как же иначе.

– По телефону, по рации?

– По рации конечно.

– Шифровкой?

– Не знаю. А что?

– Я себе задавал вопрос. Каким образом немцы так оперативно смогли узнать о нашем наступлении. Логично просматривается только одна версия. Немцы пеленгуют и слушают наши радиопередачи.

Хромов через плечо посмотрел на особиста:

– Александр Яковлевич, на сколько я понимаю, мне в медсанбат уже можно не спешить. Тогда отпустите медсестру в роте много раненых.

– Экий ты быстрый, лейтенант. Ответь ему на вопросы.

Выполни его просьбы. Не много ли на себя берешь, Хромов? Бравадой нас не удивишь. Мы тут разной бравады насмотрелись.

– Все что я хотел, и должен был вам доложить, я уже сказал и доложил. Может вам лучше допросить немецких офицеров, которых мы взяли в плен. Они вам поведают, возможно, много интересного, и значительно больше чем я.

– Ты, посмотри на него Петр Евграфович. Он нам позволяет допросить пленных. Каков? Ну, и где они, твои пленные?

– Под конвоем следуют сюда.

– А чего ты с собой их не прихватил, лейтенант? За тобою же машину послали.

– Места в машине было мало. Да и офицер этот пленный – здоровенный бугай. Рисковать не хотелось. Я ранен. Мне, медсестре, и бойцу по дороге он легко мог головы свернуть и убежать. Я приказал их сюда пешком конвоировать, думаю они здесь скоро будут.

– А как ты его брал, если он, как ты говоришь, такой здоровый бугай?

– Повезло. Решил провести регонсценировку, проверить как удобней наносить удар и развивать наступление, в случае если к нам подойдут основные силы. Товарищ майор, мне поставил две задачи.

Подполковник недоуменно поинтересовался:

– Какой еще майор?

– Из штаба, который был в составе трибунала, я не знаю его фамилии.

Из угла раздался спокойный голос особиста:

– Ты, Хромов, нам лапшу нам на уши не вешай. Задачи ему, понимаешь, из штаба поставили. А, про трибунал это ты, лейтенант, очень вовремя вспомнил. Тут даже дураку ясно. Никакой это не рейд в тыл врага, а решили вы сбежать от приговора трибунала, а при случае поквитаться с представителями органов НКВД. И за это придется ответить. И твои сказки о вашем героическом рейде вам всем не помогут. Ответят все, и виновные, и их пособники. Ясно лейтенант? Я спрашиваю, ясно?

– Так точно, Александр Яковлевич, ясно. Только не получится у всех ответить. Один из приговоренных погиб, другой ранен, третий вел себя в рейде героически.

– Не волнуйтесь лейтенант, разберемся и накажем.

– Я и не волнуюсь. Разрешите продолжить, товарищ подполковник?

– Валяй.

– Товарищ майор поставил мне две задачи. В случае успеха нашего наступления ждать подкрепления и выявить направление удара для развития нашего наступления. Задача номер два. Отвлечь на себя силы противника.

Подполковник взвился:

– Так почему ты здесь лейтенант, а там где тебе приказали отвлекать на себя силы противника?

– Я получил приказ на отход.

– И кто же тебе дал приказ на отход?

– Я его получил по телефону. Мне передали, что это приказ комбата.

– Интересно, ну продолжай лейтенант.

– Собственно продолжать нечего. Была и еще одна задача.

Но, справился я с ней или нет, не мне решать.

Подполковник фыркнул:

– Что еще за задача? Вы можете четко доложить, или будете мямлить и манную кашу по тарелке размазывать лейтенант?

– Своими успешными действиями поднять боевой дух в наших воинских подразделениях.

– Из угла прозвучало:

– Решил, что победителей не судят, лейтенант? Судят, еще как судят. Не обольщайся. За самоуправство свое и за свои художества ты ответишь.

Командир полка потопил Хромова:

– Продолжай, продолжай, лейтенант.

Хромов бледнея продолжил:

– Мною было принято решение провести регонсценировку, используя свое тактическое преимущество.

Его снова оборвал особист:

– Он видите ли принял решение. А, кто тебе дал право лейтенант принимать решения, и совать свой нос куда тебя не просят? Самоуправство твое тебе даром не пройдет. Хочу

иду воевать с немцами, хочю отступаю. Так что ли?

– Я действовал в соответствии с поставленными передо мною командованием задачами.

– Ну, это мы еще выясним, какие тебе были поставлены задачи.

Подполковник смущенно поправил особиста:

– Подожди ты, Александр Яковлевич. Тут он правду говорит. Обсуждали мы этот рейд в штабе, как отвлекающий маневр для контратаки. Только думали, что из этой затеи много толка не будет. Дивизию поставили в известность, что собираемся провести отвлекающий маневр. Не подготовленная операция была. Не ожидал никто такой прыти от лейтенанта. Давай, рассказывай лейтенант.

Хромом слабеющим голосом продолжил:

– Въехал по нахалке в следующую деревню на танке. Смотрю, а там у немцев штаб. Не ожидал я, что они так близко штаб держат. Повезло. На мне форма гауптмана панцерваффе, на моих солдатах тоже форма панцерзольдатен. Вышел из танка и сообщил этому майору, что русские прорвали оборону силами двух батальонов. Ну а, дальше, я ему говорю. Гер майор, объявляйте эвакуацию. Имею указание вас лично и документы вашего штаба эвакуировать под прикрытием своего танка в целях безопасности.

– А, чего ты этого гауптмана не допросил, которого до этого в плен в деревне взял? А если бы этот майор этого гауптмана в лицо знал, и догадался что ты не тот, за кого себя

выдаешь?

– Почему не допросил? Я его допросил. Он сказал, что он из прибыл из нового резерва. Шли ускоренным маршем. Никого здесь не знает. Риск конечно был, что меня расколют, виноват, разоблачат. Но, тогда азарт разобрал. Кураж какой-то появился. По телефону то, когда я звонил они меня не заподозрили, все прошло гладко как по маслу. Потом я своих в танке предупредил, что, если меня разоблачат, я знак дам. Ну и чтобы они первым делом по мне врезали, а потом уносили ноги.

– Ну, продолжай. Герой, мать твою.

В это время второй танк начал долбить немцев из укрытия на околице. Майор этот немецкий купился, схватил документы, и скок в свой опель-капитан. Мы за ним.

– Он что, один в штабе был?

– Нет там было несколько офицеров. Но, майор был старший среди них. Ну, когда мы к немцам в тыл поехали, по пути его шофер вперед не рвался. Наверное, боялся без прикрытия остаться. Место по тише выбрали вдарили ему по задним колесам из пулемета. Шофера и еще двух офицеров, которые в машине были пришлось пристрелить. Майора я планировал в танк запихнуть, а этих девать некуда было. Не на броне же их оставлять. Я вылез из люка и сказал этому майору чтобы он не дурил и сдавался.

Подполковник внимательно посмотрел на Хромова:

– Так вы что, и их оперативную документацию захватили?

– Так точно, товарищ подполковник.

– И где она?

– В машине, которая меня привезла, осталась.

– Так чего ты нам тут лейтенант голову морочишь с каким-то майором, а про документацию молчишь?

– Я не знаю, что за документацию пытался вывезти этот майор. Времени не было посмотреть.

Командир полка крикнул в направлении выхода из блиндажа:

– Принесите документацию из штабной машины. Продолжай Хромов, продолжай, а то еще чего-нибудь забудешь доложить.

Хромов продолжил:

– На обратном пути, стороной деревню обошли, зашли немцам в тыл. Вдарили как следует напоследок по немцам на околице, и на двух танках вернулись назад. Сходу ударили в тыл остаткам тех батальонов, которые немцы послали на помощь своим танкистам. Наши, что остались в засаде на дороге к этому времени здорово немцев потрепали. Немцы не выдержали и стали сдаваться. Правда не все сдались. Часть в бега ударилась. Но нам уже не до них было. Немцы в тылу очухались, и у нас уже на хвосте висели.

Подполковник в изумлении проговорил:

– Ну, ты даешь, Хромов. Если хоть половина из того что ты здесь наплел – правда, гадом буду, восстановлю тебя в старом звании. Ты кем до войны был?

– Военинженером второго ранга.

– Это соответствует майору. Не слабо для твоего возраста.

Он вдруг опомнился, и обратился к особисту:

– Как думаешь, Александр Яковлевич, можно ему вернуть звание майора?

Особист усмехнулся:

– Если врет, то расстреляем. Как пить дать, расстреляем. А, если не врет, посмотрим, что с ним делать. За самовольные выходы свои все равно ответит, а там видно будет. Посмотрим. Надо послать за пленными офицерами. А, лейтенант пусть пока здесь побудет. Его еще о гибели отряда НКВД надо допросить. Я своих людей пошлю провести следствие.

Подполковник вскрикнул:

– Яковлевич, едрена вошь, ты посмотри, у него гимнастерка в нескольких местах от крови промокла. Может его действительно в медсанбат?

Хромов заваливаясь с табурета просипел:

– Ничего, я потерплю.

Заволновался особист:

– Хорошо, что медсестру не отпустили. Сейчас позову.

Медсестра Таня влетела, подбежала к Хромому, укоризненно посмотрела на командира полка и особиста:

– Он без операции до утра не доживет, кровью истечет.

Рявкнул подполковник:

– Да, делайте что-нибудь, товарищ саниструктор.

– Что я могу сделать? У него большая потеря крови. Я вообще удивляюсь, что он только сейчас в обморок упал, а не раньше.

Подполковник заистерил:

– Да скажи ты, что ему сейчас надо, чтобы не помер?

– В медсанбат ему надо немедленно.

Вернул к действительности Федора Петровича голос Звягинцева: – Повезло тебе Федор Петрович. Ребята тебе тогда, когда ты нас навестил после медсанбата, не сознались. Но, человекуам пяти он лично зубы выбил. Все допытывался, кто завалил НКВДшников. Потом как отрезало, тишина. Даже разрешил ребятам в медсанбат к тебе поехать.

Хромов усмехнулся:

– Тишина, это потому, что эти НКВДшники диверсантами немецкими оказались. Один то выжил и бредил в медсанбате на немецком. Так, что следствие это для особиста самого могло, окончится очень печально. Получалось проморгал он врагов прямо у себя под носом. Вот так то.

Пазл 46. Медсанбат

Хромов усмехнулся:

– Тишина, это потому, что эти Энкавэдэшники диверсантами немецкими оказались. Один то выжил и бредил в медсанбате на немецком. Так, что следствие это для особиста самого могло, окончится очень печально. Получалось проморгал он врагов прямо у себя под носом. Вот так то.

– Значит Лешка правильно рванул их тогда?

– Правильно. Не рванул бы, из нашего рейда никто кроме энкавэдешников не вернулся. А им бы с рук сошло. Они бы какую-нибудь сказочку придумали. А, наше командование перекрестилось. Одной заботой меньше. Бузотеры погибли, никаких ЧП нету.

– А, у ребята, помню, все же сомнения были. Сомневались, правильно Лешка энкавэдэшников рванул или нет. Но, Лешку никто не сдал. А знаешь почему Федор Петрович?

– Почему?

– Ловко он корректировал по радио огонь с колокольни.

Хромов усмехнулся:

– Да, пригодилась и нам с тобой тогда их радиостанция «Густав».

В сознание Хромов пришел уже в медсанбате. Пахло хлоркой и карболкой. Они не перебивали сладковатый за-

пах крови и смерти. Над головой был брезент палатки. Рядом лежали раненые. Тишина прерывалась редкими стонами. По проходу сновали сестры и санитары. Проходивший, военврач с белом халате с пятнами крови на груди остановился и присел рядом:

– Пришел в себя герой. Хорошо, значит не пропали мои труды даром. Повезло вам батенька. Во всех смыслах повезло. С ранением повезло, с друзьями повезло. Да и мне повезло. Спасли ваши друзья и вам жизнь и еще несколькими раненым.

Устало удивился Хромов:

– Как спасли?

Военврач радостно ответил:

– Пришли кровь сдавать, Просто рвались дать вам свою кровь. Медсанструктор привозила их по два-три человека. А, у нас тут с кровью большие проблемы, операций много. Ну, кровь, конечно не только вам досталась. Несколько человек еще с того света вытянуть удалось. Так что, счастличик вы батенька. Посекло вас осколками часто, но не глубоко. Ну, осколки вам я почти все вынул. Может парочку мелких и не заметил. Простите. Работы много.

– Спасибо доктор.

– Выздоровливайте голубчик.

Через какое-то время Хромов попытался самостоятельно добраться до туалета. Кружилась голова. Но свежий воздух обрадовал. На третий день, после того как Федор Хромов

пришел в себя, в палатку в сопровождении санитаров вошли трое в шинелях и фуражках с голубыми тульями и малиновыми околышами. Прошли до середины палатки. Санитар ткнул пальцем в лежащего на матрасе раненого:

– Вот он.

Один из Энкавэдэшников скомандовал:

– Встать!

Санитар испуганно проговорил:

– Он без сознания. Тяжелое ранение.

Энкавэдэшник скороговоркой зачитал приговор и выстрелил в голову приговоренного. На лицах раненых был ужас. Федор Петрович сел на своей постели. Энкавэдэшник что-то тихо спросил у санитаров. Санитар с ужасом на лице ткнул пальцем в Хромова. Энкавэдэшник направился к Федору Петровичу и бросил через плечо санитару:

– Этого уберите отсюда.

Энкавэдэшник с пистолетом в руке навис над Хромовым:

– Хромов Федор Петрович?

– Это я. Не надо здесь. Я смогу выйти. Сил хватит.

Энкавэдэшник усмехнулся, хмыкнул и стал убирать пистолет в кобуру.

Хромов вышел первым. Свет резанул глаза он прохрипел:

– Отойдем подальше, не стоит раненых волновать.

– Идите туда лейтенант, вас там ждут.

– Над плечом Хромова высунулась рука, указывавшая направление.

Там куда указывала рука на лавочке, положив локти на колени и склонив голову в фуражке с голубой тульей и малиновым околышем, сидел человек. Хромом пошатываясь пошел и остановился у лавочки. Сидящий поднял голову:

– Привет майор.

На Хромова смотрел особист. Федор Хромов вытянулся:

– Здравия желаю, Александр Яковлевич. Вы забыли, я не майор, я лейтенант.

– Да нет, Федор Петрович, майор. Подполковник сдержал слово, я наложил на его рапорт утвердительную резолюцию, все прошло гладко. Батальонный комиссар начал ерепениться. Я ему напомнил, что место комиссара на передовой, чтобы поднимать бойцов в бой и предложил поучаствовать в очередном контрударе. Спесь с него слетела, как с пива пена.

Особист быстро посмотрел на одного из его подчиненных, стоявших за спиной Хромова:

– Лейтенант, накинь-ка свою шинель на Хромова. А то стоит он здесь в одном исподнем. Не удобно.

– Товарищ старший майор.

Жесткий взгляд Александра Яковлевича уперся в лицо, стоявшего за спиной Хромова Энкавэдэшника. На плечи Хромова легла шинель.

– Да ты присаживайся Федор Петрович, в ногах правды нет. А вы погуляйте пока.

Хромов сел на лавочку.

– Что же ты, Федор Петрович, не сказал тогда, что вывез трупы группы НКВД на танке.

– А, что говорить, я разве мог поступить иначе.

– Так вот, майор. Один из них оказался жив. Случайно обнаружилось.

– И что?

– А, то что бредил он на-немецком языке, но это уже из госпиталя доложили.

– И где он сейчас.

– А, лежал в медсанбате недалеко от тебя. Это его сейчас шлепнули.

– Зря вы так. Раненые же ничего не поняли. А потом, допросить его можно было бы.

– Да уж. Надо будет сделать внушение моим обормотам. Много о себе понимать стали. А, этого. Чего там допрашивать. Кроме того, что он бредил на-немецком, хирург у него обнаружил интересную татуировку на плече. Короче провели мы расследование. Прав ты оказался. Это были диверсанты из особой диверсионной группы «Брандербург восемьсот». Воспользовались документами сотрудников НКВД из приграничных районов. Мы, когда они пришли, и сказали, что с боями пробивались из окружения, запрос сделали. Подлинность их удостоверений Москва подтвердила. Но, фотографии то в запросе не пошлешь. Видимо на это они рассчитывали. Но, промашка у них вышла. На тебя они напорлись. Так, что кроме восстановления в звании,

я послал на тебя представление на орден Красной Звезды.

– Спасибо Александр Яковлевич. Служу Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

– Сиди-сиди Хромов. Орден пока еще пришел. Да и спасибо, как говориться не булькает. Ты же понимаешь, что я не настолько сентиментален, чтобы прибежать сюда тебя поздравить с наградой. Ты это все скоро и без меня узнал бы.

Они замолчали. Продолжил Александр Яковлевич:

– Спор у меня вышел с командиром полка. Я хотел тебя к себе взять. Понравилась мне твоя хватка. И диверсантов раскрыл, и утечку оперативной информации выявил. А, Петр Евграфович уперся. Мне говорит, самому такие офицеры нужны и в штабе и комбатов толковых не хватает. Решили мы с ним, у тебя самого спросить. Так что, я все тебе это честно рассказываю. Сам то, что думаешь?

– Извините Александр Яковлевич. Мое место на передовой. Да и о характере моем вы наверняка осведомлены. Думаю проблемы у вас с моим характером будут.

– Да. Справки я о тебе навел. Кстати хочешь знать почему тебя сразу не расстреляли, а дали десятку?

– Почему?

– А, потому что ты все на себя взял. Твердил что виноват, достоин наказания. С показаниями на тебя других врагов народа ты согласился. На них показаний не дал. Можно сказать, сотрудничал со следствием. Но, странно как-то сотрудничал. Сам себя под расстрел подвел, можно сказать выпра-

шивал себе расстрел, других защищая. У нас такое не понимают. Просто решили тебя для выполнения плана по другим делам оставить, так сказать на будущее. Так-то. Что хлебнул горяшка? Что молчишь?

– А, что говорить? Сопли рукавом размазывать, в жилетку плакаться?

– Считаешь меня недостойным твоих откровений?

– Нет, просто не привык жаловаться, ни на судьбу, ни на людей. Не хочу никого винить. Сам себе судьбу выбирал. Сам значит и виноват.

– Понятно. Вижу предупреждать тебя держать язык за зубами о нашем разговоре, лишнее.

Александр Яковлевич замолчал, вздохнул и продолжил:

– Жаль. На передовой тебя рано или поздно просто убьют. А, у нас ты бы мог пользу большую принести. Но, сам решил. Так тому и быть. Смотрю я на тебя. и думаю, прав ты. Не вяжется фуражка с синей тульей с твоей небритой рожей. Хотя, ...если побрить. Нет. Все равно, как на корове седло, а пилотка твоя грязная тебе была к лицу. Это я тебе как физиономист говорю.

– Спасибо. Александр Яковлевич, товарищ старший майор. А, можете мне в полковую разведку попасть?

Особист расцвел:

– Ну, это другое дело. Как говорится и волки сыты и овцы целы. Еще раз убедился. Голова ты Хромов. Помогу.

Через неделю Хромов вошел в ротный блиндаж. На-

встречу ему поднялся политрук Никитин:

– Хромов! Рад! Очень рад!

Из-за стола поднялся старший лейтенант, молодой человек, лет двадцати пяти:

– Наслышан. Юрий Павлович Санин. Новый командир роты.

Хромов приложил руку к пилотке:

– Здравия желаю товарищ старший лейтенант. Позвольте представиться по поводу дальнейшего прохождения службы. Лейтенант Хромов. Федор Петрович. Вернулся в строй после ранения.

Повернулся к Александру Ивановичу:

– Здравия желаю товарищ политрук. Здравствуйте, Александр Иванович.

Александр Иванович обрадовано:

– Федор Петрович, может чайку?

– Не откажусь.

Александр Иванович обратился к связисту, возившегося в углу блиндажа с телефоном:

– Рядовой, сделайте нам чайку

Хромов тоже повернулся к связисту:

– Здравствуй Миша.

– Здравия желаю товарищ лейтенант. С возвращением Федор Петрович.

– Спасибо, Михаил Валентинович.

Когда связист вышел Санин выразил удивление:

– Скажите, вы всех рядовых по имени-отчеству помните?

– Не всех, но многих. Особенно тех с кем пришлось лиха хлебнуть, бок-о-бок сражаться.

Никитин с восторгом посмотрел на Хромова:

– Федор Петрович, вы наверное еще не в курсе. Вам присвоено звание майор, и по возвращении вам предписано прибыть в штаб полка.

– Я в курсе. Но, уйти, и не попрощаться с теми, с кем воевал, просто не мог. Поблагодарить, что не дали мне богу душу отдать. Вы не против товарищ старший лейтенант?

Санин радостно фыркнул:

– Не то, что не против. Я очень рад. Рад познакомиться с человеком легендой, любимцем роты.

– Не преувеличивайте Юрий Павлович. А то, зазнаюсь, ненароком.

– Думаю вам это не грозит, Федор Петрович.

– Скажите, а кто сейчас командует моим взводом?

– Как вы и рекомендовали Белов. Послали представление на него на звание младшего лейтенанта. С офицерами туго.

– Из него хороший офицер получится. Ну, пока чай пьем, расскажите какие новости в роте.

– Новостей хоть отбавляй. После вашего рейда, тут такая чехарда началась. Мама не горюй. Немцы только через день попытались наступать. Атаку отбили. Танки помогли трофейные. Потом немцам не до нас стало. В соседнем батальоне попытались такой же рейд к немцам провести. Но не удач-

но. Продвинулись недалеко. Много народа положили. Видимо два раза подряд такое не проходит.

– От чего же, Брусилову это хорошо удавалось. Не доводилось читать?

– Не доводилось.

– Жаль. Почитайте его воспоминания.

– Вы читали воспоминания Брусилова?

– Читал, и вам советую. И еще. Отцы командиры, заранее прошу у вас прощение, кое-кого я у вас заберу. Я теперь буду в полковой разведке. Но, замену себе те, кого заберу, подготовят. Обещаю.

За спиной у Хромова раздался девичий голос:

– Говорят, Хромов вернулся.

Хромов обернулся:

– Танечка! Спасительница моя.

Возвращаясь мыслями к разговору со Звягинцевым, Федор Петрович пробурчал:

– Вроде тяжелая нам тогда выпала доля, а вспоминается с любовью.

Пазл 47. Последний рейд Хромова

– Знаешь, Витя, а я ведь тебя тогда хотел в эту школу инструктором по танкам вызвать. Сказали что ты в госпитале.

– А, я бы к тебе Федор пошел бы за милую душу, и после контузии, если знал. Инструктор это же нестроевая должность?

– Да, как тебе сказать, Витя. На передовой нестроевых не бывает. Даже кашевар, если надо, винтовку в зубы и пошел в атаку. Да, что я тебе рассказываю, сам ты все знаешь.

Фронтвики задумались. Хромов продолжил:

– Знаешь Виктор Петрович, я не из хвастовства тебе скажу, ребят мы тогда готовили универсалов, Каждый, и пластун, и взрывник и водитель. Немецкому только обучались они плохо. Не все, конечно, некоторые на лету схватывали, даже мой берлинский акцент перенял. А у многих было стойкое отвращение к немецкому языку. Ненависть убеждению не поддается. Но, и погибало их немало. А, погибали, сам Витя понимаешь, лучшие. Я понимаю, по времени, ты в ту мышеловку, которую нам устроили немцы, не попал? Уже ранен был?

– Я в это время в уже в тылу был, в госпитале. Ожоги, контузия, руки ходуном ходили. Хорошо хоть лицо не обгорело.

– А, мы тогда задачу получили. Да, какое там получили, в общем, сами на это дело напросились. В штабе некоторые

возражали. В общем решили создать впечатление ложного контрнаступления. Ну, чтобы у остальных была возможность с малыми потерями прорваться к своим. На первом этапе забросили скрытно наших ребят, хорошо владеющих немецким языком к немцам. Их задача была, выявить координаты, куда нужно нанести артиллеристские и авиационные удары. Ну и координаты танковых подразделений, которые на втором этапе мы должны были захватить и использовать танки на третьем этапе, чтобы у немцев сложилось впечатление массированного удара. Ну, ребятки вышли в эфир на волнах немецких радиостанций и на немецком языке. В замаскированном виде передали все что надо. Вроде обычная болтовня между танковыми экипажами. Наши долбанули. В результате немцам досталось, но и одного нашего павана тоже крепко зацепило. Огонь-то по сути дела, ребята на себя вызывали. С ранеными, сам понимаешь, в рейде проблемы. Назад в медсанбат их не отвезешь. Если не пристроить кому-нибудь в деревне, считай, даже с легким ранением он покойник. Потом выдвинулась основная группа. Захватили мы тогда, почти танковый немецкий батальон, без шума и пыли. И пошли гулять по немецким тылам. Только теперь мы немцев слушали по радио, сами соблюдали режим тишины в эфире. Прикурить мы им дали. Но немцы тоже не дураки, они быстро просекли что, к чему. Стали они нас вычислять. Пригнали радиопеленгаторы, думали мы на радиопередачах проколемся. А, нам только этого и надо. Мы стали

устанавливать радиопередачи на русском языке вблизи немецких танковых подразделений равных по численности нашему. Предварительно отрезали антенны у немецких танков. Результат понятен?

– Немцы долбили своих?

– Точно. А, мы им в этом активно помогали. Расстреливали немецкие танки из засады. Заодно верещали по-немецки, чтобы скорректировать огонь немецких батарей. Документы у нас были подлинные немецких танкистов. Так что, к нашим сообщениям немцы относились с доверием. Но, и это они прорюхали. Тут, то и начали они нас обкладывать как волков. Началась на нас настоящая охота. Но задачу, то мы считали, что уже выполнили с лихвой. Силы отвлекли на себя не малые, а главное, танки на себя отвлекли. Стали пробиваться к своим. Где немцы мы знали хорошо, а вот где наши ни фига. Вот и напоролись на своих. Ну, тут нас свои и взяли. Долбанули по нам из пушек. Кто в живых остался в немецкой форме были, да не просто не в немецкой, а в форме СС. Хорошо сразу не расстреляли. Сам понимаешь, о нашем задании перед строем никто не объявлял, и знали о нем очень немногие. Знали командир полка, особист, да человека два из штаба. Особист и командир погибли при прорыве из окружения. Нашелся один штабной из штаба дивизии, который знал об операции. Но, он не знал, ни деталей операции, ни меня в лицо и уж тем более моих ребят не знал. Его задача была правильно рассчитать выход основных сил из окруже-

ния, с учетом нашего удара. Тут и выскочил как черт из табакерки наш батальонный комиссар. Говно не тонет. В нашем полку тогда много ребят полегло, а у него ни царапины. Представляешь. Ну и рассказал, что он героически выводил наши войска из окружения, а мы драпанули, а поскольку на нас немецкая форма, то делайте выводы товарищи.

– Ну и чего?

– Да, повезло нам. Мы перед операцией свои документы в штаб сдали, ну и нашлись они. Вынесли их все-таки из окружения.

– Ну, так и дело с концом, документы то нашлись.

– Нашлись, то они нашлись. Да, только, со всем моим послужным списком. А ты-то помнишь, что это за список. Бывший враг народа, и так далее и тому подобное. Организатор вооруженного бунта в роте, и только потом командир отдельной разведроты. Плюсы все на паре листов разместились, а минусы целый том заняли. Мне тогда следователь-особист, с воспитательной целью перед моими глазами полистал мое личное дело. Но, правда ребятам все-таки повезло. Правда, и тут бабушка на двое сказала, повезло или нет. Ребятишки-то стали давать показания в мою пользу, на очных ставках молодцами держались, а это понимаешь было им самим совсем не на пользу. Думаю, загремели они все в штрафной батальон. Хотя, нет приказ двести двадцать семь позже вышел. До правды, тогда, конечно, докопались. Но, бдительность в отношении меня все-же решили проявить. И поехал

я снова лес валить, на этот раз на Колыму. Потом вытаскивают меня с кича. Ты, спрашивают, в газодинамической лаборатории работал? Отвечаю, да, работал. Собирайся, поехали. Привезли в шарашку.

Пазл 48. Шарашка

И поехал я снова лес валить, на этот раз на Колыму. Потом вытаскивают меня с кича. Ты

, спрашивают, в газодинамической лаборатории работал? Отвечаю, да работал. Собирайся, поехали. Привезли в шарашку. Работаю. А начальник у меня знаешь кто там был?

– Кто?

– А, сынок нашего батальонного комиссара. Морда сытая, наглая. Форма на нем была энкавэдэшная. Я не сразу сообразил, что он сынок нашего комиссара. Но, похвастаться он любил. Из личного моего дела вычитал, где я служил. Спросил не знал-ли я его отца. Как меня тогда угораздило, не сознаться ему, что мы друг друга хорошо знали. Но пронесло, думаю спроси он у своего папаши про меня, не долго мне после этого было бы землю топтать. Он быстро просек, что я работаю на уровне изобретений. Смотрю перед приездом начальства, садится и колдует над моими чертежами и расчетами. Перед начальством тянется. Вот говорит я тут подумал и посчитал, не желаете взглянуть, и сует мои чертежи. Потом я случайно у него на столе увидел авторское свидетельство на моей работе. Тогда до меня и дошло, зачем он у меня допытывался как составлять формулу изобретения.

– Вот гнида! Ну а дальше что?

– А, дальше, Витя, было вот что. Спасло меня, как раз, то,

что этот гад украл у меня изобретение. Такая вот насмешка судьбы. Мы тогда продолжили работы над жидко-реактивными двигателями. Само топливо и окислители разрабатывали другие люди. От меня требовалось разработать конструкцию ракеты, чтобы во время движения, перемещение жидкого топлива не вызывало смещения центра тяжести ракеты. Это сейчас ракеты летают надежно как по маслу. А тогда половину испытаний были неудачными. Но, и неудачи продвигали нас вперед, главное было понять, где допущены ошибки. Я как то раз внес изменения в конструкцию, которые привели к успеху на испытаниях. А, внести эти изменения и доработки в рабочую документацию не успел. Куратор мой, сынок нашего комиссара, наблюдал наши успешные испытания, а почему они стали успешными поинтересоваться не удосужился. Решил похвастаться перед своим начальством своими заслугами. Я о его намерениях ничего не знал. Занимался доработками. Идея мне тогда одна пришла в голову. Отнес эскиз чертежа в опытные мастерские. Сделали доработку. Думаю, надо еще проверить правильно я доработку сделал или нет. Пометил я изделия, которые подлежат доработке меловыми крестиками. А, куратору ничего не сказал. Чего раньше времени трепаться. А, он решил, что все уже на мази. Меня, я так понимаю, чтобы я глаза не мозолил его руководству, он решил на время ответственных испытаний в карцер упрятать. Посмотрел он на меня эдакой лукавой усмешкой и говорит:

– Надо вам Хромов посидеть в карцере и подумать над своими ошибками. А там посмотрим, что с вами делать.

Ну, думаю, вот Федор и закончилась твой творческий труд на благо Родины.

– А, то, что у тебя успехи были в расчет не брали?

– Витя, а, кто знал-то о моих успехах? Только мой куратор. Он еще хоть что-то понимал в технике, а те, кто над ним, понимали только одно. Как перед хозяином хорошо выглядеть. Как бы его гнев на себя не навлечь. Ради этого они любого готовы были в порошок стереть.

– Но, они-то понимать должны были, что без таких как ты у них ничего не выйдет?

Федор Петрович горько усмехнулся:

– Витя, кто я для них был? Один из многих. Там и с более талантливыми не чикались. Считали, что новых отыщут. Мы для них были просто лагерная пыль. А, в это время пошла новая волна пересмотра старых дел. Несколько наших товарищей после пересмотра исчезли из нашей шарашки. И хорошо если просто их на Колыму лес валить отправили.

– Может их реабилитировали?

Хромов покачал головой:

– Наверяд ли, Витя, скорее всего расстреляли. Ну так вот. Срок моей отсидки в карцере еще не закончился, а меня из него вытаскивают. А, на меня тогда такая апатия накатила. Думаю, плевать, все-равно один конец, может отмучился, расстреляют и дело с концом. Смотрю, нет, и на этот

раз тащат меня не на особое совещание, а к следователю. Тут и выяснилось, что сынок нашего комиссара, взял одну из ракет, помеченную моим крестиком, поставил на пусковой стол и стал петь комиссии, что он настолько уверен в результатах испытаний, что не пойдет в блиндаж для наблюдения за испытаниями, а будет наблюдать прямо снаружи на полигоне. В результате ракета влетела прямехонько в амбразуру блиндажа, в которой сидела комиссия. В блиндаж она полностью не влетела, амбразура была узкая, но все, кто в блиндаже были, сгорели заживо. А, у моего куратора ни царапины. Тут он решил видимо все на меня свалить и меня окончательно подставить и потопить. Стал меня следователь допрашивать:

– Ты ставил крестики на секретных изделиях?

– Да, я ставил.

Этот мне так угрюмо говорит:

– Значит сознаешься? Это правильно. Выходит, не зря тебе Хромом терроризм вменяли.

Ну я смотрю на следователя, молчу, поскольку предыдущий опыт мне говорит, молчи, целее будешь.

Сижу смотрю молча на следователя, помня, что любое, неосторожно сказанное слово только усугубляет приговор.

Следователь копается в бумагах на столе:

– Значит это из-за тебя приемочная комиссия погибла.

Теперь это тебе с рук не сойдет

Ну я не выдержал и говорю:

– А причем здесь, крестики, которые я ставил и гибель приемочной комиссии?

– А, притом, что на испытание была представлено изделие с твоим крестиком. Спрашивается, почему именно это изделие оказалось неисправным и привело к аварии и гибели комиссии?

– Потому, что эти изделия требовали доработки и их я пометил как требующие доработки.

– А, в ваше авторское свидетельство на изобретении соответствует этой доработке?

– Какое мое изобретение?

А он мне:

– Ты, Хромов, дураком-то не прикидывайся. Вот об этом свидетельстве речь.

Показывает мне описание. Читаю, а это уже другое изобретение, не то которое я уже видел. Прочитал. Оказывается, позаимствовал мой куратор мои идеи двухмесячной давности. Смотрю я авторство, а моей фамилии там нет. Ну я следователю и говорю:

– Нет не соответствует это описание сделано без учета выполненных доработок. Только не мое это изобретение. Нет моей фамилии в списке авторов.

А это похоже для следователя стало неожиданностью. Смотрит он авторское свидетельство и говорит:

– Ах вот как? Действительно, зато фамилия вашего куратора на нем значится. А он утверждал, что это ваша работа.

Задумался следак, а потом спрашивает:

– А, вы предупредили вашего руководителя, что изделия требуют доработки?

Я головой мотаю:

– Виноват, не успел его предупредить, в карцер попал.

– А, что за доработка требовалась изделию?

Ну я ему:

– Чертеж на доработку лежит в экспериментальной мастерской, на чертеже сверху надпись – «внести изменение в изделия помеченные меловым крестом».

А, следовательно так глаз прищурил и говорит:

– А, не могли вы сказать на очной ставке с вашим руководителем, что предупреждали его о доработке?

А, я ему:

– Но я же его не предупреждал. Это же будет ложь.

Посмотрел он на меня с сожалением и говорит:

– Ничего ты так Хромов и не понял.

Потом как заорет:

– Ты понимаешь идиот, что тебе хана. Если ты его не предупредил о доработках, тебя точно расстрел грозит.

– Ну расстреляют, значит расстреляют, когда-нибудь это должно случиться.

А он мне:

– Ну, ты идиот. Ничему тебя жизнь не научила. Дай показания на своего капитана, и все. Больше ничего не надо. Ты только подпиши протокол допроса, и я буду ходатайствовать

о твоей реабилитации.

А я ему:

– Я такие показания давать не буду и подписывать тоже ничего не буду.

– Федор Петрович, так он что, все-таки понял, что ты прав, а сынок нашего комиссара гад?

– Ну, а ты думаешь, там одни дураки были. Конечно догадался.

– Так чего ты на этого гада показания не дал? Посадили бы его, туда ему и дорога.

– Э, Витя, многие поддавались на эту уловку. Думали, что правду знают, и настоящих врагов народа на чистую воду выведут. А потом им предлагали уже вражескую шпионскую сеть раскрыть. Видел я таких на очных ставках. Скольких они за собой честных людей на дно утащили.

– Что все так безнадежно?

– Знаешь, лучше и не начинать в эти игры играть. Если бы даже это правда была, я бы все равно не подписал этих показаний. Увяз у птички коготок, и птичке конец. Так вот. Через неделю снова мне конвойный командует:

– С вещами на выход.

Иду думаю, это уж точно особое совещание. Размышляю, что мне дадут – расстрел или снова этап. Заводят меня, смотрю, никакого особого совещания, опять меня следовательно ждет. Сидит подписывает какую-то бумагу. Протягивает мне. Читаю, освобождение и предписание на поселение

в соответствии со статьей УК. Спрашиваю следователя:

– А не могли бы вы мне посодействовать попасть на фронт?

А он мне:

– Ты же, Хромов, не захотел мне посодействовать разоблачить врага, значит и я тебе не буду. Странные вы люди, враги народа. Все у вас не как у людей. Ты знаешь Хромов, что все чертежи в архиве по вашему секретному изделию подписаны твоим капитаном? Твоей подписи на чертежах, кроме того чертежа, что нашли в экспериментальной мастерской больше нигде нет.

Я удивился:

– Как так? Я же сам чертежи в архив сдавал.

А, следователь мне:

– А, вот так. Мы сейчас занимаемся деятельностью твоего начальника. Хочешь пойти с ним паровозом? Могу устроить. Подпиши протокол, что ты чертежи чертил и готово дело.

А, потом посмотрел на меня так оценивающе и говорит:

– Только, что-то мне подсказывает, что ты еще здесь можешь понадобиться. Поэтому и выталкиваю тебя отсюда, от греха подальше. На следствии тебя твой начальничек утопит, как пить дать, и глазом не моргнет. Так что, топай друг любезный отсюда.

– Так может все-таки этот следователь разобрался в твоём деле Федор Петрович?

Хромов скептически усмехнулся:

– На жилу он напал, Витя. Нашел врагов народа, и ни где-нибудь, а в святая святых – в органах. А, на разработки наши ему плевать было с высокой колокольни.

– Думаешь?

– А, чего тут думать, Витя. Знаю я эту породу, посмотрелся.

Хромов сделал паузу и продолжил:

– Я ему, вам видней гражданин следователь.

А он мне:

– Вот именно. Сиди там тихо, и не рыпайся. Все, пошел вон.

Попал я в маленький городишко, недалеко от сюда. Хожу отмечаться в комендатуру. А жрать нечего. Это в шарашке и лагере баланду и пайку дают, хоть какую, но дают, а здесь, как знаешь, так и обходись. На работу меня никуда не берут с моими документами и с моей пятьдесят восьмой статьей. Пошел по домам, попытался у простых людей чем-нибудь подзаработать, хоть хлебом разжиться. Землю копать, дрова пилить, мне не привыкать было. Куда там, людям самим хлебушка еле хватает. Женщины на меня вообще волком смотрят, рожу, говорят, отожрал здесь в тылу, а наши мужики на фронте кровь проливают. А, что им скажешь, правы они. Поперся я в военкомат. Военком со мною поговорил, выяснил что я имею фронтовой опыт. Говорит, приходи днями, сделаю на тебя запрос. Посмотрим, что ты за птица, может, наврал все мне тут с три короба. Документики-то у тебя мил

человек подозрительные. Ну я перед военкоматом на лавочке и стал ночевать. Пару раз патруль меня задерживал. Я уж надеялся заберут в камеру, может накормят. Э, нет, не обломилось. Не захотели патрули со мною связываться, с лавочки шугнут и дальше топают. День на четвертый, военком сжалился, дал хлебца напоил горячим чаем. А еще через несколько дней, снова позвал меня в кабинет. Смотрит он на меня жалостливо и говорит:

– Могу тебя на фронт направить только в штрафную роту.

Когда я его благодарить стал, он вообще опешил. Спрашивает меня:

– Ты хоть знаешь, что такое штрафная рота?

Говорю, знаю. Дайте только за Родину умереть, а не просто сдохнуть здесь под забором от голода.

Пазл 49. Светлые полосы хорошо видны на фоне темных

Федор Петрович, глядя в одну точку перед собой, продолжал рассказывать Звягинцеву:

– Смотрит он на меня жалостливо и говорит:

– Могу тебя на фронт направить только в штрафную роту.

Когда я его благодарить стал, он вообще опешил. Спрашивает меня:

– Ты хоть знаешь, что такое штрафная рота?

Говорю, знаю. Дайте только за Родину умереть, а не просто сдохнуть здесь под забором от голода.

Снова попал я число отверженных и проклятых. Помнишь как это с нами было?

Звягинцев печально посмотрел в пол:

– Помню Федор Петрович. Сахаром это точно не назовешь.

– Только тогда, Витя, хоть в ребята из других взводов, нас за своих считали. Ну окруженцы, подумаешь, эка невидаль. А, в этот раз, нас уже за людей в соседних подразделениях не считали. Были мы для них законченные гады. Да и между собой друг на друга косо смотрели. Но, и тут мне повезло. Нашел общий язык с нашим взводным. Уже в первом бою дал я ему дельный совет. Приказали нам взять высоту. Ле-

жим мы с взводным в окопе, рассматриваем в бинокль место, где головы должны свои сложить. Смотрю в первой линии окопов немцев совсем мало, просто кот наплакал, и говорю ротному:

– Дай команду, чтобы наши не заскакивали в окопы, если немцы дружно ломанутся из окопов отступить, когда мы в атаку пойдем.

Взводный естественно удивился:

– Почему?

А, я ему:

– Потому что окопы в этом случае будут заминированы. Сам немцам такие штуки устраивал.

Ну и как в воду глядел. Кто из наших слабинку дал и в окопы заскочил, там смерть и нашел. Рванули немцы заминированные окопы и не спеша так, пошли в контратаку. Думали, что подойдут и добьют оставшихся. А нам повезло, залегли мы после атаки за бруствер. Нас и не видно было. Бруствер то с нашей стороны окопов был. Заскочили мы в развороченные от взрывов окопы и затаились. Я взводному говорю, чтобы наши не открывали огонь пока немцы не подойдут к нам метров на пятьдесят. Подпустили мы немцев дали по ним три прицельных залпа, рванули в штыковую и на их плечах во вторую линию окопов ворвались. Потом много чего было. Дослужился снова до командира взвода а, потом и роты. Несколько раз был по мелочи ранен, но в медсанбат не попал, на передовой от ран оправлялся. Так и оставался в своей

штрафной роте. Пятьдесят восьмая статья это тебе не пятьдесят девятая. Но, уж когда распороло мне брюхо осколком от и до, и контузило, комиссовали в чистую. Спасибо в лагерь на дальнейшую отсидку не отправили. Вернулся я назад. Выдали мне паспорт с отметкой о гласном надзоре.

– Федор Петрович, все время хотел тебя спросить, как ты тогда у нас оказался с пятьдесят восьмой статьёй. Ведь, на сколько я знаю, с таким приговором на фронт не отправляли.

Хромов усмехнулся:

– Так и меня должны были расстрелять. Лагерь, где я срок отбывал, оказался вблизи линии фронта. Как немцы стали подходить, начальство лагерное все смоталось в тыл, а конвойным дало команду пустить всех зеков в расход. Меня тогда, и еще человек десять повели к траншее на расстрел. Отошли мы от барачных корпусов метров на пятьсот, а тут и немцы пожаловали. Немецкий танк прямо в ворота лагеря въехал, а за ним пехота. Конвойные наши растерялись. Одно дело с зэками безоружными воевать, другое дело с немцами на танках. Смотрю стоят наши конвоиры бледные, глаза испуганные. Тут я им скомандовал:

– Ложись! Ползи к траншее, голову не поднимать.

Спрыгнули в траншею, прямо на трупы. Смотрим в лагере большой шухер. Через некоторое время смотрим уголовники ведут конвойных к траншее. У уголовников винтовки, а солдатики уже безоружные. Идут понурые, головы повеси-

ли. Я конвойным, которые с нами приказываю:

– Отомкнуть штыки, отдать штыки заключенным, приготовиться к стрельбе по моей команде.

Смотрю подчиняются мне не задумываясь. Короче, затащили мы конвойных, которых уголовники расстрелять хотели, к себе в траншею, а уголовников перестреляли. Винтовки собрали и мелкими перебежками рванули к лесу. Так я стал командиром энкавэдешного отряда. Смешно? То-то. С ним и вышел в скором времени к своим. Врать в особом отделе конвойные не стали, сказали, что я у них за командира был. Да и врать они особо не умели, все деревенские были, с тремя классами церковно-приходской школы. Что потом с теми, кто со мною вышел, стало, не знаю. Конвой энкавэдешный думаю не пропал, дальше стали служить, где-нибудь в комендантском взводе. Разрешили мне тогда мои грехи искупить кровью. Через некоторое время дали мне звание младшего лейтенанта, а дальше сам знаешь. Давай выпьем за тех с кем в сорок первом воевать пришлось.

Звягинцев спросил:

– Случаем среди тех, кто пришел к нам тогда пацанов расстреливать, тех энкавэдэшников, которых ты из окружения вывел, не было?

Хромов усмехнулся:

– Нет, если они и попали в комендатский взвод, то не нашего полка.

Выпили, помолчали. Хромов продолжил рассказ:

Комиссовали значит меня в чистую, паспорт получил. Снова встал вопрос с работой. Как поймут, что у меня пятьдесят восьмая на лбу написана, никто рисковать не хочет, хотя руки рабочие нужны. Тут снова мне повезло. Помог инвалид без обеих ног, из бывших штрафников, тех, что кровью искупили. Я уже топиться пошел к реке, есть нечего, работы нет, фронт мне не светит. Окрикнул меня этот инвалид. Оглянулся я, а он на тележке, руками в землю уперся, сидит, смотрит на меня снизу вверх:

– Штрафник бывший?

– Штрафник.

Разговорились. Как он признал во мне штрафника, ума не приложу. Одет я был, как и все фронтовики, в солдатский ватник, сапоги, пилотку. Но вот, признал, потому и окликнул. Помог мне устроиться в инвалидную артель по изготовлению мебели. Мебель в артели делали простецкую, короче ту, которая пользовалась спросом у простых людей, так как цена была доступной. Жила артель в бараке. Ну, и для меня там место нашлось. Народ в артели был в основном холостой, кому нужны были безногие и однорукие. Правда иногда и они женились. Время от времени артель уходила в запой на пару дней. Иногда, делали в артели мебель и на заказ. На заказы в артели была очередь. На них можно было хорошо заработать. Часть заработка с заказов шла в общий котел, но все равно, денег хватало. Так мы с Александром Ивановичем Никитиным и встретились. Помнишь его? Он

у нас политруком был.

– Смутно. Твой Николай у меня про него уже спрашивал. Сколько тогда мимо нас народу прошло, всех не упомнишь.

– Пришел тогда заказ на обеденный стол. Работяги в артели все морды воротят. Столов вот сколько стоит, выбирай – не хочу. Боялись, что обманут и заплатят мало. А я взялся. Понял, что надо сделать, что-то эдакое. Сделал стол с инкрустацией. Соскучился по красоте и настоящей работе. А, Александр Иванович, как увидел стол, говорит:

– Покажите мне мастера, который этот стол сделал.

Привели его ко мне.

– И он, что тебя, Федор Петрович, сразу признал?

– Нет Витя. Не признал. Да и я его не сразу признал. Кому из нас могло в голову прийти, что здесь встретимся. Только когда наш бригадир стал к нему по имени-отчеству подъезжать, что-то во мне шевельнулось. Ну а уж когда назвал его, товарищ Никитин, тут вспомнил я его. Но, молчу. А чего рассказывать? Что я, его бывший сослуживец, в настоящее время просто бывший штрафник. А, он в костюме в шляпе. Куда тут сунешься. И человека скомпрометируешь, и сам опозоришься. Но, сердце екнуло. А, он меня давай звать на завод. Нам, говорит, такие умельцы нужны. Ну и не удержался я. Попросил прощение у своих товарищей, что ухожу из артели, а бригадиру шепнул на ухо, что может еще вернуться. Думаю, узнает обо мне Никитин побольше, и знать меня не захочет. Но нет, оказался он мужик стойкий. Долго он

мне в лицо смотрел, когда я ему свою фамилию назвал, а потом обнял и слезу утер. Думаю, пришлось ему за меня тогда на верху повоевать, но отстоял. И началась у меня другая жизнь. Своих артельщиков, я потом несколько раз навещал. Зла они не держали, порадовались даже за меня.

– Дальше, стукнул пятьдесят седьмой. Из ГДЛ всех репрессированных реабилитировали. И меня реабилитировали. Предложили восстановиться в партии.

– А ты?

– А, я не стал восстанавливаться, Витя. Такие вот дела. Ладно, вот тебе все рассказал, как камень с души снял. Легче стало. Давай еще выпьем.

– Слушай Федор, а Николай, говорит, что эта ваша квартира вам досталась от Никитина.

– Да, он когда пошел на повышение, пробил мне ордер на эту квартиру.

– И кем он был в вашем городе?

– Первым секретарем райкома партии. Фигура.

Федор Петрович поднял вверх указательный палец.

– А, ты кем здесь трудился?

– Рабочим, со временем бригадиром стал.

– Чего же он тебе не помог. Ты же голова. Он же тебя знал.

– Почему не помог? Помог. Квартиру вот устроил, мы до этого в комнате, в коммуналке жили.

– И все? Он же тебя знал, как облупленного.

– А, что еще? Что ты хочешь, Витя? Он первый секретарь,

а я вошь лагерная. Руку подавать не стыдился и на том спасибо. Заходил в гости по праздникам. А, если быть честным, предлагал он мне помочь, но я отказался. Стал бы он меня проталкивать, точно бы карьеру себе сломал. Да, и не нужно это было мне. Я работяга, Витя, и начальником быть никогда не хотел. Так что, судьбой своей я доволен. Да и потом, ему-то я всего о себе, как тебе сейчас, не рассказывал. Он знал только то, что сам видел. Хотя, наверняка, дело мое ему показывали. Короче, хочешь узнать скурвился он или нет? Нет Витя, он остался человеком.

– А, научной деятельностью значит завязал Федор Петрович. Почему?

– Потому. Просто жизнь тогда уже дала крутой поворот, лучшие годы коту под хвост пошли.

– Тебе ли говорить, Федор, что лучшие годы коту под хвост пошли. Если бы не ты, не такие как ты.

– Да, ладно тебе, Витя. Потом, ты знаешь, я за собой в омут людей тянуть не привык. И, Никитина тоже не хотел подставлять, да и других тоже. Мог навлечь на людей беду.

– Ну, так бы и говорил.

– А, я так и говорю.

– Да уж. Засиделись мы с тобой Федор Петрович. Пора и честь знать.

– Ты, Витя, куда это собрался?

– Гостиница здесь в городе есть? Тебе с сыном надо пообщаться.

– Обидеть хочешь старый друг? Думаешь, Федор Хромов, на ночь глядя, гостю на дверь укажет? Нет, шалишь, если спешишь, то завтра поедешь. Если дела не особо ждут, сделай милость, погости. Места всем хватит. Чай, я не в землянке живу. Ты мне лучше скажи, как там мой Николай?

– Светлая голова, трудяга. Надежда нашего предприятия.

– Не врешь? Не хочешь, по старой дружбе, горькое подсластить?

– Истинная, правда. Ты не поверишь, я только вчера узнал, что он твой сын. Это он по фотографии тебя узнал.

– Какой фотографии?

– А, помнишь, мы сфотографировались, когда тебя в разведку забрали, а ты с взводом зашел попрощаться.

– Что и сохранилась?

– Занесли мне эту фотографию в медсанбат после того боя. Храню. Да, чуть не забыл, шахматы, что вы с Николаем Федоровичем сделали в подарок сыну Никитина, сейчас у меня.

– Как так?

– Купил их в антикварном, а Николай их узнал.

– Как в антикварном купил?

– Так вышло Федор. Вернемся, разберусь, если украли их у Никитиных верну, слово даю.

– Витя, а чем вы занимаетесь, в смысле, что у вас за работа?

– Продуктами питания. Кушать-то все хотят. Так что ра-

боты у нас хватает. Опыт есть, новые технологии внедряем. Сын твой, Федор Петрович, и внедряет передовые достижения науки в дело обеспечения граждан качественными и дешевыми продуктами питания. Слушай Федор, а Николай у тебя один сын?

– Нет, четверо у меня детей, трое пацанов, одна дочка. Он средний. Разъехались, приезжают редко. Мать переживает за них. А, у тебя как?

– Да, та же картина. Трое. Домой калачом не заманишь. Все самостоятельные стали.

– Знаешь Витя, я только сейчас понял. Не умел я своего отца, выслушать. Видел, что он мне многое и важное сказать хочет. А, у меня все какие-то дела находились. Думал успею еще. Это сейчас, мы старики, свой конец чувствуем. А, тогда, в молодости, казалось, что жизнь вечная, все успеем. Вот и нашим детям все некогда. Наверное, это просто жизнь. Мы хотим их уберечь от ошибок, которые сделали сами, а они хотят свои шишки самостоятельно получить. Ну что еще накатим? Или сразу спать?

– А, уснем? Я так рад Федор, что мы встретились.

– И я рад, значит, еще накатим. Сейчас я в разведку на кухню сгоняю, принесу выпить и закуску заодно прихвачу.

Пазл 50. Витькин кораблик

Мать прервала воспоминания Николая:

– Что соскучился по дому Коленька? Я сейчас гостя спать уложу, а то Борис устал, у него глаза слипаются. Целый день за рулем. Я быстро, я сейчас вернусь.

Она с Борисом вышла из кухни. Николай машинально стал убирать со стола посуду и мыть ее. Вернулась мать:

– Да, что ты, Коленька. Я сама. Ты тоже спать ложись. Устал наверное с дороги.

Николай вдруг почувствовал себя виноватым:

– Да, нет мам, я тебе помогу. Что ты все одна. Стол нам накрыла, все приготовила. Мне не трудно.

– Коля, ты погостишь у нас? Хоть посмотреть на тебя, когда еще свидимся.

– Немного погостим. Виктор Петрович наговорится с отцом, поедим. Работа ждет.

– Вырос ты сынок, взрослым стал. Ладно, я сама здесь все уберу, иди ложись. Я тебе как обычно в твоей комнате постелила.

Последней мыслью перед тем как Николай заснул была:

– Интересно, а сохранился еще тот кювет где мы в детстве пускали кораблики? Завтра схожу проверю.

Ребятишки Колькиного двора приносили свои игрушки во двор. Игрушки были в основном самодельные. Это были

деревянные мечи, луки, деревянные ружья и деревянные копии стрелкового оружия. Если игрушки были корявые, значит были сделаны мальчишками самостоятельно, если они выглядели привлекательно, значит к ним приложили руки отцы мальчишек. Покупные игрушки были редкостью и ими дорожили. По весенним ручьям ребятня дружно пускала кораблики. Самый большой ручей протекал в кювете, который видимо с целью отвода воды и был вырыт вокруг дома. Ручей пробивался через заторы еще не растаявшего снега. Кораблики пускали как по очереди, так и по несколько сразу. А потом бежали за ними, перескакивая с одного края кювета на другой, чтобы поправить остановившийся кораблик. Эти уловки сопровождались недовольными криками:

– Так не честно! Ты его не подталкивай, пусть сам плывет.

Иногда прыжки через кювет оказывались не совсем удачными, валенки в резиновых калошах оказывались в воде и намокали. Когда очередной кораблик подплывал к пешеходному мостику через кювет, пацаны дружно перебежали на другую сторону мостика, и ждали, когда кораблик выплывет. Выплывали далеко не все кораблики, некоторые застревали под мостиком надолго. Они выплывали уже не по очереди. Они выплывали не тогда, когда их ждали, а появлялись неожиданно после корабликов, пущенных после них. Некоторые кораблики застревали под мостиком навсегда.

В один из таких весенних дней и появился Витька. Жил он в другом доме. В округе этот дом называли райкомовским.

Чего его тогда понесло к Колькиным друзьям не понятно. Внимание к Витьке было привлечено чьим то возгласом:

– Рёбя смотри, к нам райкомовский пилит.

Покинутые кораблики, некоторые грустно и обиженно застряли, другие радостно окрыленные свободой устремились в неведанное. Ребяшня дружно уставилась на чужака, ища малейшего повода чтобы вспыхнула ссора. Не накостыляли ему тогда сразу, потому, что были потрясены тем какой кораблик был у него в руках. Это, как Колька узнал значительно позже, была уменьшенная копия трехпалубного парусника «Крузенштерн». Витька разочаровал ожидание мальчишек тем, что не выпендривался и смотрел на них совсем не заносчиво. Он подошел к ближайшему к нему из пацанов и протянул ему свой чудо корабль:

– Хочешь пустить?

Пацан насупился:

– Сам пускай. Застрянет, отвечай потом за него.

Он повернулся к Витьке спиной и отошел за спины приятелей. Витьку это не обескуражило, доброжелательная и неиспуганная улыбка осталась на его лице.

Кто-то из пацанов мрачно поинтересовался:

– Ты чего приперся к нашему ручью, иди к своему дому.

Там и пускай свой корабль.

Витька отреагировал спокойно:

– У нас, у дома ручьев нету.

Кто-то возразил, глядя с любопытством на корабль в ру-

ках Витьки:

– Да, пусть пускает. Тебе, чего, жалко что ли?

– Мешаться будет. Сейчас начнет выпендриваться, к ручью не подойдешь. Я тоже может пускать кораблики хочу.

– Да, отвали ты со своими бумажными лодками. Они все равно размокают. Только и делаем, что твою бумагу вытаскиваем. Тебе хоть кто-нибудь слово сказал?

– Какие есть такие и пускаю. Чем тебе моя бумага помешала. Сам растопырился, никому подойти не даешь.

– Сопли подтяни, и не вякай.

Остальные участия в перепалке не приняли, а с любопытством смотрели, что будет дальше. Если бы Витька был «свой» восторгам бы не было предела. Но, он был чужак и все сдержанно молчали. Тут то Колька и произнес спасительную для Витьки фразу:

– Дай посмотреть твой корабль.

Витька, не раздумывая, сунул ему в руки свою чудо игрушку. Ребята столпились вокруг Кольки и робко трогали пальцами детали парусника. Потом осмелели и стали спрашивать уже у Кольки:

– Он тяжелый?

– Может не поплывет?

– Дай подержать, вцепился как клещ, другим тоже хочется.

Колька важно отвечал:

– Не мой, сломаешь, а я отвечай.

Колька посмотрел на Витьку.

Витька смущенно кивнул:

– Пусть подержит.

Через некоторое время уже звучали обиженные вопли:

– Я еще не держал.

Наконец последний пацан в руках которого оказался кораблик, озабоченно переводя взгляд с Кольки на Витьку, решал кому из них вернуть это чудо. В последний момент он протянул кораблик Витьке с восторгом:

– На, держи! Здоровский кораблик.

Витька взял кораблик в руки и растерялся. Он не знал, что с ним делать дальше. Тут то Колька пришел ему на помощь повторно:

– Не слабо его в ручей пустить?

Витька снова смущенно улыбнулся:

– Не слабо. А, можно я его сам здесь пущу?

Колька решил за всех:

– А, чего ждешь, пускай его, чтобы подольше плыл.

И тут же авторитетно посоветовал:

– Надо к нему привязать веревку, тогда, если застрянет под мостом, вытянем.

Тут же на перебой мальчишки, не дожидаясь согласия чужака загалдели:

– Я сейчас веревку притараню.

– Я притараню – у меня веревка длинней твоей.

– У меня настоящая, а у тебя бумажная, размокнет и по-

рвется.

Наконец веревки были принесены, выбрана самая прочная и длинная и совместными усилиями привязана к кораблику. Кораблик пустили в ручеек, под мостом он естественно застрял, зацепившись высокой мачтой. Кораблик вытянули назад, но одна мачта оказалась сломанной. Витька еще не успел огорчиться и промолвить хоть слово, а разборки уже во всю кипели:

– Это ты дернул, а нужно было тянуть. Теперь сам отвечай.

– Да, сам ты дернул. Чего это я? Сам и отвечай.

– Дураки, надо было две веревки привязывать, тогда бы не сломали.

– Да, причем здесь две веревки. Мачты надо было отцепить. Он бы тогда вообще под мостом проплыл.

– А хитрый, без мачт, любой дурак проплывет. Ты с мачтами его мод мостом пусти, чтоб на той стороне выплыл.

– А у меня все время выплывал.

– Хорош врать! Проплывал у него всегда. Я сам видел, как у тебя один застрял.

– А, у самого то, у самого, вообще два застряли, без всяких мачт и парусов. Проплывет, проплывет.

– Да, ты, вообще, только выпендриваться можешь.

Раздоры прекратил Витька:

– Да, не спорьте, отремонтирую я этот кораблик. В комплекте запасная мачта была.

Он взял кораблик и направился к своему дому

Из компании раздался возглас:

– Когда лед сойдет приходи, мы его на пруду запустим.

Когда Витька отошел шагов на десять, Колька крикнул

ему вслед:

– Тебя как звать то?

Витька обернулся:

– Виктор. Витька, короче.

Самый младший из ребятишек крикнул:

– А, меня Лешка.

Его старший брат дал ему подзатыльник:

– А, тебя не спрашивают.

Но, Лешку это ничуть не расстроило.

Пацаны молча смотрели вслед удаляющему Витьке,

и только когда он скрылся за поворотом загалдели:

– Какой клевый корабль.

– Здоровский, как настоящий.

– С парусами.

– У него даже пушки по сторонам есть.

– Не по сторонам, а по бортам. У корабля не стороны, а борта. Раззява.

– Эх мне бы такой, я бы его берег.

– Это точно, ты известный жмот.

– Сам ты жмот.

Пазл 51. Встреча будущих друзей

Снова повстречал Витьку Колька где-то на улице спустя пару месяцев:

– Привет Вить, отремонтировал корабль.

Витька удивленно посмотрел на Кольку, не сразу признав в нем одного из своих новых приятелей. Но, видимо, вспомнил и ответил:

– Здорово. Не-а, некогда было, не до него.

Колька обалдел от такого признания. В его голове просто не укладывалось:

– Как это можно наплевать на такое чудо? Это какие должны быть дела, чтобы не найти времени отремонтировать такой кораблик? Да это за счастье повозитя с такой вещью, а у него времени не нашлось.

И тут Колька не удержался, и предложил свои услуги:

– Хочешь, помогу отремонтировать? У тебя инструменты есть?

– Какие инструменты?

– Ну, какие инструменты? Обычные. Там молоток, пассатижи, стамески, клей казеиновый. Есть?

– Не-а. Нету. Да, ладно, не надо ничего помогать.

– Чего не надо то? Не бойся, я инструмент у отца возьму, он мне разрешает. Ща быстро сгоняю. Ты здесь жди.

– Не, не надо. Мне скоро в музыкальную школу идти.

Престиж Витьки рос в глазах Кольки как на дрожжах. Среди его друзей в музыкальную школу не ходил никто. Пока родители его приятелей копили на музыкальный инструмент, у мальчишек заканчивался подходящий для начала обучения возраст, и пропадало желание учиться. Им хотелось просто быть как другие ребята, ходить на спортивные секции, в различные кружки, играть в игры во дворе. Секции и кружки были бесплатны, за уроки в музыкальной школе нужно было платить. Родители ребят сокрушались, что не смогли дать хотя бы одному ребенку в семье музыкальное образование, но одновременно облегченно вздыхали, успокаивая себя:

– Ну, не купили Петьке аккордеон. Но, Таньке то точно купим. Не аккордеон, так скрипку купим.

– А в музыкалке на скрипке учат играть?

– А то, конечно, учат. Если не учат, то чего-нибудь другое купим.

– Чего другое-то?

– Да не знаю я, купим чего-нибудь. Вот деньги накопим и купим.

У очередного Петьки как хомут падал с плеч груз, и он тихо ликовал – все свободен. А его сестра Танька, Варька или Ирка наполнялась гордостью – на следующий год она будет на музыке играть.

Соседи между собой, в качестве утешения, обменивались одной и той же замшелой историей:

– Ну да, ну да. Вон Мишке то Ивановы купили мандолину, а у него и слуха не оказалось, так и висит на стенке. Лучше бы они ему лисопед купили, больше толка было бы.

Правда был среди Колькиных знакомых ребяташек музыкальный самородок. Тот самый Лешка, который крикнул как его зовут уходящему Витьке. Никто бы и не узнал, что у Лешки талант, если бы не случай. Взрослых баянистов в округе хватало. Они играли на именинах, свадьбах и других праздниках, создавая праздничное настроение. Играли не за деньги, а в соответствии со складом своего характера, так сказать для души. Но, на празднике не налить стакан баянисту считалось последним делом. Наливали все, и хозяйка праздника, и их гости. Вызывало удивление, что после такого количества выпитого, когда баянист уже смотрел мутным взором, он совершенно не фальшивил в мелодиях и не припираясь играл то, что ему заказывали. Играли эти гармонисты и не только праздникам, а просто так, на лавочках во дворах. Никого это не раздражало, наоборот окружающие относились к ним вполне сочувственно, иногда даже приносили полстакана водки. На закуску приносили черный хлеб, посоленный крупной солью и сдобренный растительным маслом. Могли на кусок черного хлеба положить несколько долек репчатого лука. Вот однажды, когда один такой баянист снял лямки баяна, чтобы с чувством, с толком с расстановкой, а не на ходу, принять подаренную ему водку в числе его слушателей оказался Лешка. Боевитый

Лешка вызвался подержать баян, чтобы он не упал на землю. Баянист даже обрадовался, что малец не даст инструменту случайно упасть со скамейки. Он помог Лешке надеть на Лешку лямки баяна, а сам глотнув водочки, вступил в обсуждение текущих событий, как городского, так и мирового масштаба со своими благодетелями. И для Эйзенхауэра, и для местного руководства было большой потерей, что они не присутствовали при этих дебатах. Если бы они только могли это слышать, они-бы, непременно, хлопнули себя по лбу и запричитали:

– Едрена вошь, вот оказывается, что надо делать! А, я, дурачина-простофиля, что творю? Нет, дальше так жить нельзя, надо жить иначе. Добрее надо быть к людям. Не прислушиваемся мы к простому народу, зажрались. А народ-то он мудрый, а мы все по-своему норовим сделать. Вот и натворили дел, а народ расхлебывай. Дуайт Дэвид Эйзенхауэр еще-бы долго награждал тумаками свою лысую голову, слушая советы, но тут все присутствующие широко открыли рот и глаза. Лешка на баяне играл «Дунайские волны».

Вдруг Лешка прекратил играть и ясными глазами посмотрел на окружающих. Баянист взвыл с восторгом:

– Играй сынок, у тебя очень хорошо получается.

На это Лешка спокойно ответил:

– Я пока дальше не подобрал.

И тут, в результате совместных расспросов, выяснилось то, от чего, не только Дуайт Эйзенхауэр, но и его совет-

чики-эксперты по международной обстановке пришли бы в полное изумление. Лешка не только не знал, что такое ноты, он впервые в руках держал баян, как, впрочем, не держал до этого в руках и других музыкальных инструментов. Баянист прослезился, бил себя в грудь и твердил:

– Да, я последней падлой буду, если заберу у мальчонки баян.

Лешка тут же серьезно заметил:

– Меня отец выпорет, если я возьму баян. Скажет, что я его украл.

Но, решительность и альтруизм баяниста от этих слов только обрели новую силу, и он рявкнул:

– Пошли к твоему отцу! Я ему сам скажу, что я тебе баян подарил.

Оказалось, что слезть со скамейки самостоятельно и идти с надетым баяном Лешка не в состоянии. Инструмент для него был тяжел. Поэтому с баяном в одной руке и Лешкой в другой баянист скрылся из виду в Лешкином подъезде. Мужики, свидетели Лешкиного триумфа стали шушукаться:

– Парень то и в правду одаренный. Богом в лоб поцелованный.

– Да уж! Ему, точно, надо музыке учиться.

– Я, баянистову жену знаю, она его за баян со свету сживет. Запилит. Ему свет с копеечку покажется.

– Да ладно тебе.

– Точно тебе говорю. Она его запилит, ему свет не мил

будет.

– Конечно, баян то у него, вроде, трофейный.

– Сиди ты умник. Трофейных баянов не бывает, трофейными бывают только аккордеоны.

– Ну, и че делать?

– Че делать, че делать. Скинутся надо, хоть как-нибудь восполним ему потерю.

Мужики рысцой рванули по домам на прощанье наказав мальчишкам:

– Эй, пацаны, задержите баяниста, чтобы не ушел, мы сейчас вернемся.

В это время в дверях подъезда появился Лешкин отец и баянист. Отец совал баянисту деньги, тот отнекивался и ворчал:

– Я, что гад последний, людей обирать буду. Да и не стоит это старье этих денег.

Лешкин отец рычал:

– Я, что не знаю сколько стоит баян, видал в магазине.

Баянист возражал:

– Так то в магазине, а я на нем уж лет двадцать играю. Старый он. Он мне еще от отца достался. А, дед меня на нем играть учил.

– Тогда вообще не возьму баян, если он у тебя семейный.

– Да бери ты его Христа ради, у моего Пашки и слуха то нет, будет в доме пылиться. А твоему пацану пригодиться.

– Тогда деньги бери.

– Да, какие, едрена вошь, деньги. Не стоит он этого.

– Или деньги берешь, или я сейчас твой баян сюда принесу. Я тоже не в свинарнике родился. Не халявщик, заплатить за себя могу.

Они препирались еще долго. Вернулись мужики. И вернулись они вовремя. Разговор между Лешкиным отцом и баянистом уже шел на повышенных тонах. Они уже рассказывали друг другу, что совесть у них есть. Оба кричали, что не за тем они на фронте кровь проливали, чтобы потом своих людей обирать. Мужики схватили их за руки и стали мирить. Закончилось все удачно. Баянисту засунули деньги в карман под угрозой того, что если он деньги не возьмет, то они сами отнесут деньги его жене. И пусть она за это мужикам рожи начистит, наплевать. Потом мужики сели на скамейку и со слезами на глазах допили оставшуюся водку за то, что и в их дворе будет свой Моцарт и Паганини. Правда Паганини они тут же забраковали, из-за скверно звучащей на русском языке фамилии. Решили, что пусть лучше Лешка будет Чайковским их двора. В это время окно на кухне в коммуналке, где жил Лешка, распахнулось, а сидящий на кухонном столе Лешка полностью сыграл «Дунайские волны» и «На сопках Маньчжурии». Мужики, стесняясь друг друга, тихонько смахивали слезы.

Пазл 52. Начало дружбы Вити и Коли

К доводу Витьки о занятости уроками в музыкальной школе, Коля отнесся серьезно и с уважением. У Вити, на самом деле, были иные причины, нежели урок в музыкальной школе, чтобы не согласиться немедленно отправиться ремонтировать кораблик. И не менее серьезные основания не посвящать в эти причины Кольку. Витька не показывал виду, не позволяло воспитание, но слово «инструменты», так легко сказанное Колькой, на него тоже произвело магическое впечатление.

Витька действительно посещал музыкальную школу, и относился к посещению занятий ответственно. Но сейчас его волновало совсем другое. Виткины родители довольно щепетильно относились к кругу знакомств своих детей. Они опасались, что Витька попадет в не подходящую, дурную компанию. И опасения их были обоснованы. Его школьные сверстники, в большинстве своем были из семей, проживающих в коммуналках и заводских казармах. Благополучными семьи его одноклассников, с точки зрения райкомовских понятий, назвать можно было чисто условно. Родители их были большую часть дня заняты либо производстве, либо на огородах. Ребятишки были предоставлены самим себе, со всеми

вытекающими последствиями. Ребятишки в школе с первого взгляда распознавали «своих» и «чужих». Они объединялись в группы между собой на почве одинаковых бытовых проблем и интересов. У этих простых ребят были свои компании, которыми они вместе играли, ходили в лес, на речку, помогали родителям по дому и на огородах. Бытовые проблемы людей из райкомовского дома были несколько другими, чем у простых работяг, если не сказать совсем иные. Поэтому родители Витьки настаивали, чтобы он дружил с ребятами из их райкомовского дома. Но, все эти райкомовские ребята чурались друг друга, и друг другу не доверяли. Как ни старались родители уберечь своих чад от ненужных знаний, ребята райкомовского дома, становились свидетелями их обсуждения своих соседей по дому. Волей-неволей, они были в курсе всей подковёрной борьбы городской элиты. Эти дети райкомовского дома росли с комплексами неполноценности, которые просто не могли появиться и развиваться у детей из коммуналок. Быт, образ и темп жизни, информационные возможности жителей коммуналок были совершенно иные, чем у жителей райкомовского дома. Но, оградить полностью от опасностей жизни своих чад райкомовским не представлялось возможным. Для этого им пришлось бы изолировать своих детей от большинства их сверстников. Дети из райкомовского дома были похожи на щенков собак элитных пород, между которыми шныряла стая щенков бродячих дворняг, шустрых, пронырливых и предприимчивых. Как дворняж-

ки начисто вычищали языками миски элиты, при этом ловко увертывались от заслуженного наказания, так и дворовая детвора не упускала возможности надуть и обставить райкомовских. И так же как элитные щенки беспомощно созерцали опустошение своих мисок, так и райкомовские молча проглатывали свои обиды, и ждали своего часа. Часа мести. «Райкомовские» мечтали стать медалистами, после окончания десятого класса. Они мечтали окончить престижные институты и органично влиться в элиту советского общества. И вот тогда-то они покажут, кто хозяин жизни. Запросы дворовых были значительно скромнее. Они собирались пополнить рабочие места на заводах, где работали их родители. Медали для этого им были не нужны. Единственная мечта, к которой апеллировали учителя, чтобы их ученики стремились учиться, был то, что они могут стать космонавтами. И, тем не мене, каждый из райкомовских детей в тайне мечтали быть принятыми компанию дворовых. Также как в элитные щенки, если им представлялась такая возможность, предпочитали играть с дворнягами значительно охотнее, чем между собой.

В силу сложившихся семейных традиций, Витьке непременно нужно было выпросить у родителей разрешение на общение с Колькой, и разрешение, чтобы пригласить его домой. Сказать об этом Кольке открыто Витька естественно не мог. Поэтому Витька под благовидным предлогом хотел отложить продолжение более тесного знакомства, с этим им-

понировавшим ему мальчишкой на не определенный срок. Если отец разрешит, он сам найдет этого мальчишку и продолжит знакомство. Если нет, то как-нибудь увернется, избежит, уклонится от общения с ним и при этом не получит по шее. Хотя, по правде говоря, продолжить знакомство Витьке очень хотелось. Хотелось подержать в руках этот загадочный инструмент и даже что-то поделывать своими руками этим загадочным инструментом. А, Колька проявлял завидную настойчивость и упорство в достижении цели, что называется, пер на пролом:

– Ну, давай, встретимся, когда ты освободишься.

Витька задумался. Он опасался, что отец не одобрит его нового знакомства и не разрешит ему привести Кольку в дом. Встречаться сегодня с Колькой, в случае запрета отца, грозило ему семейными неприятностями. Витка просто не знал, что ему в этом случае сказать Кольке. Назначить встречу и не встречаться было опасно, в лучшем случае это означало подвергнуться остракизму сверстников, в худшем, открытое оскорбление и драка. Мир пацанов был суров и жесток. Поэтому Витька осторожно отнекивался:

– Давай не сегодня, сегодня никак не выходит. Дела. Сестре обещал помочь с уроками. Не помогу, нажалуется родителям, врежут по первое число.

– А, тогда когда?

– Да, не знаю. Вечно, родители что-нибудь придумают, чтобы я без дела не сидел. Тебя как зовут то?

– Колька, Николай.

– Тебя как найти можно?

– Ну, у нашего дома, ты знаешь. Там, где кораблики пускали. В случае чего у ребят спросишь, они подскажут.

– А, ты там один Николай, а то будут искать не тебя, а вас там много с таким именем.

– Я – Хромов, ну, ладно, бывай.

На удивление, отец легко согласился на просьбу Витьки, только спросил:

– Что за друг? Как зовут?

– Коля Хромов.

– Хромов?

– Да.

– Отца знаю, вроде, человек хороший, ну, приводи своего друга, посмотрим, что он за человек.

Кольку Витька заметил из далека. Он играл с каким-то мальчишкой в шахматы, сидя верхом на лавочке. Остальные ребята молча смотрели за игрой. Витька остановился за спиной Коли и стал смотреть за ходом партии. Колька его не замечал. Выдал Витьку Лешка:

– Витя привет, где твой корабль?

Колька резко обернулся:

– Привет Вить, как дела?

– Привет Коля. Да, вот пришел, как обещал. Привет Лешка, корабль пока не отремонтировал. Вот Коля обещал помочь отремонтировать.

Ушлый Лешка тут же сориентировался:

– Я тоже буду помогать. Куда пойдём?

У Витьки сердце ухнуло вниз, а если все захотят отремонтировать кораблик, что тогда делать. Что он отцу скажет. Выручил Колька:

– Без сопливых обойдемся, ремонт корабля, это тебе не хухры-мухры. Только мешать будешь. Ну чего, Вить, пойдём?

Лешка воспринял слова Кольки добродушно, и не огрызался. Витька хотел досмотреть чем закончится партия, поэтому сказал:

– Коль, ты доигрывай партию, я подожду.

Колька сделал еще пару ходов, но видимо у него уже свербело, он посмотрел на партнера:

– Юрка, ты запиши позицию, потом доиграем. Пошли Вить.

Зрители заволновались:

– Доигрывайте, немного осталось

– Доигрывай, или сдавайся.

– Че сдавайся то? Колька выигрывает.

– Много ты понимаешь. Выигрывает. Пара ходов и ему мат.

Снова влез в разговор шустрый Лешка:

– Колька, я за тебя доиграю.

Колька обдал его скепсисом:

– Продуешь. Юрка тебя с закрытыми глазами сделает. Юр,

запиши партию потом доиграем. Чтобы по честному все было.

Но Лешка уже сидел на Колькином месте за шахматной доской, сделал первый ход за Кольку:

– Я так пойду. Юрка твой ход.

Первым делом Колька зашел домой за ключами и потащил Витьку в сарай за инструментом. Верстак и инструменты на верстаке и на полке над верстаком произвели на Витьку большое впечатление. Он их трогал, рассматривал. Уходить не хотелось. А, Колька с уходом не торопил. Ему было приятно чувствовать себя обладателем настоящих мужских, взрослых ценностей. Самое необходимое, в том числе и штангенциркуль они сложили в старый Колькин портфель, который висел в сарае на гвозде, и двинулись домой к Витьке.

Пазл 53. В первый раз у Вити

Витькина квартира встретила Кольку букетом необычных и непривычных запахов. Запахи были разные, но все какие приятные. Это были и запахи свежести от недавнего сделанного ремонта, восковый запах крема для обуви и запахи импортной парфюмерии. Запахи приятно отличались в лучшую сторону от привычных ему запахов коммунальной квартиры. Именно здесь, для Коли эти привычные ему запахи встали молчаливым контрастом на заднем плане обоняния к тем, которые были сейчас в квартире Вити. Раньше это были запахи, к которым он привык, и не замечал. Кухню, пропахшую керосином, прокисшей квашенной капустой и еще какой-то коллективной затхлостью. Пока Колька разувался в прихожей, его из-за двери откровенно рассматривала девочка, держась обеими руками за ручки открытой двери в комнату. Она только наполовину была видна из прихожей. Держалась она уверенно и спокойно, как и полагается хозяйке. Витька ей сделал замечание:

– Кларка, чего ты уставилась на человека, сейчас в нем дыру глазами протрешь.

Девочка молча развернулась на пятках, и скрылась в комнате, не закрывая за собой двери.

Витька двинулся вдоль прихожей и кинул Кольке через плечо:

– Пошли в мою комнату.

Колька, услышав, моя комната, ощутил всю ничтожность и неустроенность жителей своей коммуналки. Там, в коммуналке каждая комната была на семью в четыре, пять человек, а здесь, даже у Витьки была своя комната. Колька шел медленно и рассматривал обои на стенах и лепнину на потолке. Он смотрел на хрустальную люстру под высоким потолком, бра на стене, торшер на резной деревянной ножке в комнате. Николай невольно все это сравнивал со своей родной коммуналкой, которая в нем сейчас рефреном виделась, пахла и звучала. Серые остатки не сметенной паутины по углам потолка в коридоре и в кухне, таз и детскую ванночку на стене коридора, выкрашенной грязно синей краской, лампочку, на кухне, точащую из патрона, свисающего на двух свитых проводах в тканевой оплетке, громкие звуки спускаемой в туалете воды из ржавого бочка под потолком. Перед глазами встали одинаковые у всех соседей оранжевые абажуры, висящие над стоящими посреди комнаты столами, и черные тарелки репродукторов на стенах. Но, главное потрясение Кольку ждало впереди. Это был многостворчатый книжный шкаф до потолка во всю стену, украшенный резьбой по дереву с красивыми латунными ручками. Внизу каждого раздела шкафа были отделения, закрытые деревянными дверцами. На полках стояли красивые книги, собрания сочинений отдельных авторов, подписные издания, выполненные в едином стиле и отдельные книги. В одном разделе шкафа

были собраны журналы, Внимание Кольки привлекла полка с журналами «Радио», «Юный техник» и «Моделист-конструктор». Колька с придыхание спросил:

– Вить, можно журналы посмотреть?

– Смотри сколько влезет, не жалко.

Через полчаса Витька напомним:

– Ну, мы чего модель парусника то будем сегодня ремонтировать.

Колька очнулся от жадного рассматривания журналов и прохрипел:

– Давай ремонтировать.

Он начал ставить журналы на место. Витька открыл одну из нижних глухих дверца шкафа и на пол выпала много дорогих механических игрушек. Тут были и изящно сделанные заводные мотоциклы с мотоциклистами на них, уменьшенные копии ЗИМов, Опелей, Хорьков, Мерседесов, Фордов. Выпала оттуда и уменьшенная копия парусника «Крузенштерн». Колька пришел в шок от количества дорогих игрушек и от того на сколько небрежно они хранились. Он попытался аккуратно сложить их обратно в шкаф, но Витька его остановил:

– Я потом сам сложу, давай парусник ремонтировать.

Колька бережно взял в руки парусник и его сломанную мачту и осторожно спросил:

– Где делать будем?

Витька показал рукой на стол:

– Стол подойдет?

Колька подошел к столу задрал черную парчовую скатерть с вышитыми по ней шелком золотыми пагодами и удивленно спросил:

– Ты обалдел? Стол полированный, скатерть дорогушая, мы же на ней зацепов понаделаем. У тебя хотя бы картон или фанерка есть, на скатерть постелить.

Витька удивился:

– От куда? Мы что старьевщики что ли?

– Ну, а клеенка старая?

– От куда? Я же тебе говорю мы не старьевщики.

Колька тяжело сглотнул слюну и посмотрел на пол. Пол был выстлан, начищенным до блеска, дубовым паркетом. На паркете лежал красивый ковер. Колька завернул угол ковра и сказал, Газеты-то вы точно выписываете. Тащи газеты. Витька исчез из комнаты, а через некоторое время за дверью раздался красивый баритон:

– Виктор, ты куда понес правду, не вздумай ее сдать в макулатуру.

В комнату вошел Витька, в руках он нес стопку газет:

– Столько хватит?

Колька утвердительно кивнул:

– За глаза хватит.

Следом за Витькой в комнату вошел плотный мужчина белой рубашке на распашку и в брюках с широкими подтяжками. Еще не видя Кольки, сидевшего на полу в углу комнаты,

он спросил:

– Витя, я повторяю. Что ты собираешься делать с газетой «Правда»? Ты понимаешь, что одно неосторожное действие, любое пренебрежительное отношение к «Правде» на глазах у людей, и мы уже не здесь, а на Колыме?

– Витька полуоборотился:

– Я все понимаю папа. Ничего такого я делать не собираюсь. Меня Коля попросил дать ему газеты.

Тут мужчина увидел, что он в комнате не один с сыном:

– Витя, ты не познакомишь меня с твоим другом?

Витька прижал одной рукой газеты к себе, а другой по очереди указал на Кольку и на своего отца:

– Это Коля. Это мой папа.

Мужчина укоризненно покачал головой:

– Витя, ну кто-же так знакомит людей? Когда людей знакомят, они после знакомства должны понимать, как друг другу обращаться. Коля-же не будет ко мне обращаться – папа Вити.

Он протянул Кольке руку:

– Александр Иванович. А, вас, молодой человек, я знаю, зовут Николай Федорович Хромов?

– Да, я Николай Хромом, здравствуйте Александр Иванович.

Колька пожал протянутую ему руку. Он слегка поморщился, и чуть не вскрикнул от боли. Его детская ладонь еще была слаба для мужских рукопожатий. Но, Витькин отец понял

свою ошибку и тут же извинился:

– Извините Николай Федорович, не рассчитал.

Он накрыл и легонько похлопал своей левой рукой по Колькиной руке, лежащей в его правой ладони:

– Прости Коля, не хотел тебе сделать больно. Как здоровье отца.

– Спасибо хорошо. А вы его знаете?

– Да знаю, мы с ним еще с войны знакомы. Передавайте ему привет Николай Федорович.

Колька приосанился:

– Спасибо, передам.

Александр Иванович с улыбкой посмотрел на ребят:

– Так, и что вы тут затеяли? Сознавайтесь заговорщики.

Витька посмотрел в лицо отца:

– Пап, парусник немного сломался, отремонтировать надо.

Колька смущенно продемонстрировал Александру Ивановичу парусник, который держал под мышкой.

Александр Иванович удивленно поднял брови:

– А, зачем вам газета «Правда»? Вы ее хотите наклеить на паруса?

Колька с недоуменным видом ответил:

– Нет. Газета на паруса не подойдет. На пол постелить, чтобы пол не испортить. Это же паркет.

Александр Иванович удивленно поднял брови:

– Газету «Правда» на пол постелить?

– Какая разница? Любая газета подойдет. Можно и «Правду». Я Витю просил просто принести газету на пол постелить.

Витка взвился:

– Ты не сказал, что на пол постелить.

Пришла очередь удивиться Коли:

– А, чего говорить то? И так ясно, для чего газета. Мы же насорить можем, нагрязнить. Александр Иванович вздохнул и продолжил:

– Что, и вот сейчас вы могли «Правду» на пол постелить?

Николай удивился:

– Мог, а что-такого-то?

– Понятно. Виктор, будь добр, отнеси «Правду» на место, принеси несколько экземпляров газеты «Труд». Поищи, они там же рядом с «Правдой» в кладовке лежат.

Александр Иванович озабоченно поинтересовался:

– Николай, а скажи мне, почему вы решили отремонтировать этот кораблик на полу, а не на столе? На столе, мне кажется, удобней.

Колька смущенно пробормотал:

– Вообще-то надо было у нас в сарае кораблик отремонтировать, там вообще удобно. Но, это Вите решать, ему его вещь. Пол еще ничего, а стол вообще дорогуший. На столе скатерть красивая и дорогая, сам стол полированный. А если мы его поцарапаем? Стол – это же не пол. Пол не полированный его можно поддраить, в случае чего, если вдруг мы его поцара-

паем.

Александр Иванович задумчиво хмыкнул, внимательно посмотрел на Кольку, но политического подвоха не узрел и продолжил:

– Бережливость – это хорошее качество для советского человека. Особенно для молодого поколения. Вам строить коммунизм. Молодец Коля. Ну что же, желаю вам успеха в вашем деле. А, стол действительно очень дорогой. Его Коля, между прочим, твой отец делал, поэтому он мне так дорог.

Александр Иванович повернулся и пошел из комнаты. В дверях молча стояла Клара. Александр Иванович, положил ей руку на плечо:

– Хочешь посмотреть, чем мальчишки занимаются?

Клара поморщилась и попыталась убрать плечо из-под руки отца, и ничего не ответила. Когда с газетами «Труд» вернулся Витька, она не шевелясь продолжала за ними наблюдать из дверного проема. Колька, когда вернулся Витя, снова подошел к столу и недоверчиво заглянул под скатерть. Колька поинтересовался:

– Вить, а тебя отец не накажет, из-за того, что мы кораблик сломали?

– Ты что? Нет конечно, из-за такой ерунды.

– Я думал, что я тебя подставил.

– С чего ты взял?

– Ну, если он из-за газет разволновался, а тут такой ко-

раблик.

Витька беспечно махнул рукой:

– А, Не обращай внимание. Все нормально.

Когда Колька, высовывая язык размечал где на обломках мачты нужно высверлить буравчиком отверстия под вертикальный штифт, который он сделал из гвоздя орудия напильником, надфилем и наждачной бумагой. Витка млел, созерцая его работу. Такое он видел впервые. Мало того, что он видел это впервые, эти точные движения инструмента выполнял его сверстник, его товарищ. Он все большим уважением проникался к Кольке. Когда же Колька, насадив на штифт обломки мачты склеил их казеиновым клеем и стер остатки клея куском газеты, восторгу Витьки не было предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.